MİLLET BAYRAĞI

AYLIK MECMUA

№ 2 HAZİRAN-1935-ИЮНЬ № 2

ЕЖЕМЕСЯЧ. ЖУРНАЛ

ЗНАМЯ НАРОДА

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

M. E. PESUL-ZADE. Jozef Pilsudski . . 2

Mareşal Pilsudskinin defin merasimi ve Kafkasyalıların Lehistanın millî matemine iştiraki 4

KAFKASLI. Onbir Mayis 1918 yıl dönümü hakkında düşünceler 5

DOGUJ. Şimalî Kafkasyada tiyatro . . 7

ДЖАВАН. Практические задачи северокавказской эмиграции . . . 9

ОЛЬГЕРД НАЙМАН-МИРЗА-КРИЧИНСКИЙ К 15-ой годовщине смерти Фатали Хана Хойского 11

ДОГУЖ. Народные песни и сказания на Северном Кавказе 11

Из народной поэзии Северного Кавказа
- Зелимхан 14
- Салтинский мост 14
- Сосруко 15
- Созрыко в загробном мире . . . 16
- Собрание нартов 18

А. КУНДУХ. О происхождении чеченцев . 20

Инциндент на конференции „Союза обществ друзей Лиги Наций” 25

БАРАСБИ БАЙТУГАН. Под дымовой завесой демагогии 26

Küçük haberler — Хроника 29

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„MİLLET BAYRAĞI”
MECMÜASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Cz. Krzyża 9 m. 5. Warszawa, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„ЗНАМЯ НАРОДА“ СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Cz. Krzyża 9 m. 5. Warszawa, Pologne.

MİLLET BAYRAĞI
ЗНАМЯ НАРОДА

ОРГАН СЕВЕРО-КАВКАССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

№ 2 HAZİRAN — 1935 — ИЮНЬ № 2

DAĞLIK OSETİYA'DA BİR AUL — АУЛ В НАГОРНОЙ ОСЕТИИ

M. E. Resul-zade

JOZEF PİLSUDSKİ

Lehistan karalara bürünmüş, Lehliler millî bir matem yaşıyorlar.

Millî kahraman mareşal Pilsudski hayata veda etmiştir.

Reisicumhur İ. Moscicki, bu münasebetle dağıttığı matemli beyannamesinde „Lehistan, tarihinin en büyük adamını kaybetti" diyor.

Bu büyük adam Leh vatanseverliğinin, halkca takdis olunan parlak bir timsali idi.

Bir timsal ki tabutu önünde ayrılık nutku söyleyen rahib, kendisi hakkında „tanrı onu kendine benzeterek yaratmış ve kahraman başına kırallarınkinden daha şerefli bir taç koymuştur" demiştir.

İşte, milyonların, kalbin en hisli tellerine dokunan sevği ve teessürleri içerisinde, Krakof'ta, Lehistan'ın bu eski paytahtında, namdar kırallarla, millî kahramanların yattıkları, Lehistan azizlerinin türbesine teslim olunan Pılsudski'nin Lehistan tarihindeki ehemmiyet ve tuttuğu yerini gösteren, biri siyasî, öbiri dinî olmak üzre, iki tarifi.

Bu tarifleri mübalağalı bulanlar bile, inkâr edemezler ki, esirlikten sonra, yeniden hürriyet ve istiklâlına kavuşan bir milletin öldükten sonra diriliğini gösteren bir sembol olmak üzre, Pilsudski'nin adı, dünyalar durdukca duracak ve milletlerini inkırazdan kurtarmış tarihin en büyük isimleri arasında mahsus bir minnet ve şükranla anacaktır.

* * *

Yeni tarihin, bütün dünya efkârı üzerinde en büyük tesir yapan siyasî hadisesi Lehistan devletinin parçalanması idi.

Bu bir facia idi. Millî facia.

Bu facianın acısile yanan Lehli vatanseverlerin, millî tarihe sürülen lekeyi silmek üzre giriştikleri kanlı isyanların efsanevî dastanları ve bu dastanların, başları, nesillerin sevği ve minnetlerile taclanan kahramanları millî kurtuluş tarihinin en parlak sahifesinde yer tutarlar.

Pilsudski işte bu şanlı an'anenin yolcusu idi. „Yenilib te ruhtan düşmemeyi zafer"-den sayarak*), demirden bir iradeye malik bulunan o, nihayet tamamlanmış kalan millî kurtuluş binasının muvaffak bir yapıcısı olmuştur.

Bütün ruhu, duyuşu ve manevî şahsiyetile Lehistan idesine bağlanan bu inkilâpcı, ailesi itibarile de isyan ve inkilâb an'anesini benimsemiş bir babanın oğlu, Lehistan için sürülen bir mücahidin kardeşi idi. Vatana dinî aşkla tapan ve südile beraber çocuklarına intikam hissi ve istiklâl duygusu içiren bir ananın kucağında büyümüştü. Bunun için de yanan ve yandıran bir inkilâb adamı olarak yetişmişti.

Hayatında inkilâbçılıktan ve istiklâlcılıktan başka bir zevk duymayan bu adamın en büyük idealı Lehistan'ı tekrar müstakil görmek, Vatan-Anayi çarmıhtan kurtarmak idi.

Sosyalistliğe intisab bile onu bu yoldan caydırmamış; bilakis o, sosyalizmi millî gaye yolunda muvaffakiyetle kullanmıştır. Lehistan Sosyalist Partisini ikiye bölerek, ona Millî-Sosyalizm ideolojisini aşılayan ve programına Lehistan istiklâlının ihyası maddesini koyan kendisidir.

Mağdur lehlinin acılarile sızlayan bu büyük inkilâpcının yanık kalbindeki kinin en büyük hissesi çarlık Rusyasına çevrilmişti. Çünkü o, kendisine, islavlığın hâmisi dediği halde, islav Lehistan'ın millî felaketinde en faal bir rol oynamıştı. Muravyof gibi cellâtları Lehistan'ın başına musallât eden; Moskva'ya has bir vahşetle millî Leh ruhunu boğarak, millî kıyam yanğınlarını kan sellerile söndürmeğe kalkan da o idi.

İnkilâbçı Pilsudski propagandacılığındaki bütün harareti ve terrorculuktaki bütün kudret ve meharetile işte bu hain katile saldırmış, hapislerine, menfalerine ve takiplerine bakmıyarak, onun köprülerini patlatmış, valilerini öldürtmüş, yollarını keserek hazinelerini basmıştır.

Nihayet büyük cihan muharebesi gelince, teşkil etmiş olduğu legiyonlarile ilk taarruzunu gene bu hain düşmana karşı yapmıştır.

Tarih, beklenen zamanı getirmiş. Çöken imperatorlukların yerinde Lehistan Cumhuriyeti, büyük oğullarının kanlarını akıtarak, umdukları basi badelmevtini bulmuş, yeniden kurulmuştur.

Yeni kurulmuş cumhuriyetin reisliğile, millî orduların başında bulunan Pilsudski gene ayni düşmanla karşılaşmış; 1920-de Varşova'yı tehdid eden kızıl rus ordusuna

*) Yenilib te ruhtan düşmemek — zafer;
Yenilib te neş'eye dalmak — hatadır.
Pilsudski'nin hikemiyatından.

çaldığı maruf galebesile, o, hem yeni dirilmiş yurdunun taliini, hem de kızıl tehlike altında bulunan Avrupa medeniyetini kurtarmıştır.

* * *

Mes'ele bitmişmidi? Lehistan, bu galebesile kendini emniyette görerek zafer neş'esine dala bilirmidı?...

Suale Mareşal Pilsudski'nin sözlerile cevab verelim:

„Galib gelib tę neş'eye dalmak — bir felakettir!"

Tarihin verdiği derslere göre, Lehistan, her şeyden evvel kuvvetli bır ordu ile, dayanıklı bir idareye malik olmalı idi.

Mareşal Pilsudski kendisini şimdi de bu işe verdi. Yüz şu kadar yıl esirlikten ve henuz yaşanan anarşiden yeni çıkmış bir cem'iyeti; kurulu devletleri bile felce uğratan demokrasi şekillerile fazla oynamak riskine vermek olamazdı.

Yılmaz inkilapçi, muzaffer kumandan olarak gördüğümüz Mareşal şimdi de keskin görüşlü bir devlet adamı kesiliyor. Bir vuruşla iktidar mevkiini temamile ele alarak, o, muhkem devlet makinesini kurmağa başlıyor. Senelerle devam eden ciddî çalışmalar neticesinde Lehistan'ın görünüşü değişiyor. Maliyesi düzeliyor, iktisadiyatı yoluna giriyor, ordusu Avrupa'nın en mühim kuveti olarak tanınıyor; nihayet beynelmilel siyasette Lehistan, kendisine mahsus siyaset yürüten büyük bir devlet oluyor. Varşova şarki Avrupa siyasetinde ihmal edilemez pek eserli bir merkez haline geliyor.

Müttefiki Fransa'nın Sovyet Rusya ile oynamasına mukabil o, kendi menfaatını Almanya ile anlaşmakta buluyor. Rus ordularını, ne maksatla olursa olsun, Lehistan yolu ile geçmesi ihtimalinin Varşova'da ne gibi bir ciddiyetle rededildiği malûmdur.

Dahilde dayanıklı ve icra heyetince kuvvetli bir idare gayesi güden Mareşal'ın, tış siyasetteki hedefi, tahminimizce, yanıbaşındaki kuvvetli komşularından birinin olsun zayiflemesini istemekti. Milliyet ümdesinin zaferine inanan ve kuvvetini bu inamından alan Pilsudski, tabiidir ki, yekpare bir ırktan ibaret Almanya gibi, medenî bir memleketin uzun boylu zayif kalacağını, döşünemezdi. Komünizm idesile kökleri çürüyen Sovyet Rusyanın ise kendi istiklâlleri için can atan milletlerden ibaret bir kondlomerat olduğu malûm ve bu sün'î kömenin parçalancağı ise aşıkâr idi. Bilhassa ki gerek esaret yıllarındaki revolusyoner zamanlarında ve gerek Rusya'ya karşı yürüttüğü istiklâl harbi esnasında o, bu milletlerden bir kısmile ide ve silah arkadaşlığı yapmış, yüz milyona yakın gayrı rus milletlerin en samimî sempatilerinin Lehistan tarafında olduğunu bizzat görmüştür. „Yanıbaşında esir ve terror altında kalan milletler baki kaldıkca kurtulmuş Lehistan hiç bir zaman hakikî hürriyetini bulamaz" diyen bu büyük Leh patriyotunun ne gibi siyasetin mürevvici olduğunu sezmek zor değildir.

*

Pilsudskiyi harpsonu Avrupasında yetişen diktatorlar zümresinden saymak bir âdettir. Fakat diktatorluk manevî kuvvete dayanır şahsî bir hakimiyet ise, Pilsudski hakikaten de bir diktatordu. Sözön manevî mânasile onu biz Yeni Lehistan'ın yeğane sahibi olarak telâkki ede biliriz. Bu manevî saltasını o, yalnız, bütün varlıklarile kendisine bağlı bulunan legiyonerleri üzerinde değil, geniş halk kütleleri üzerinde dahi kurmuştu. Her türlü alayıştan uzak Belveder sarayına çekilen ve halkca „baba" diye anılan bu „dervişin", resmî mevkii sade harbiye nazırı iken manevî nüfuzunu sezmeyen tek bir Lehli yoktu.

Siyasî muhalifleri kendisini programsızlıkla itham ediyor, etrafındaki zümrenin bir fırka değil, bir kast olduğunu ileri sürüyorlardı. Geçindiğinden bir az evvel bitirmiş ve resmen kabul ettirmiş olduğu yeni kanunu esasiye göre o, hakıkaten de fırkaçı olmadığını, bilakis fırkaları ve fırka programları inkâr ettiğini göstermiştir. Onun yegâne programı kuvvetli Lehistan'dır ve yeğane taktiki de bu maksadı temin eden icraattır. Muvaffakiyet derecesi, tabiî, tecrübeyle anlaşılacak bu sisteminin binasile, demek olur ki, Yeni Lehistan'ın yapıcısı, kendi cidal felsefesinin bir hûlasasını vermiştir

Öyle ya!.. O, nazariyeden ziyade bütün hayatında yalnız bir hareket ve aksyon adamı olarak kalmıştır. Bir aksyon ki tek bir gayesi, tek bir isteği vardır: — Müstakil ve kuvvetli Lehistan!...

* * *

Tarihinin en mes'uliyetli anında hem inkilâpçı, hem kumandan, hem de büyük devlet adami olmak sıfatlarını kendi nefsinde bu kadar büyük bir kudretle temsil eden Pilsudski gibi millî şefe malik olmak, Lehistan için, elbette, bir mazhariyetti!.. Şimdi ne olacak? Pilsudski'den sonra Lehistan işleri nasıl gidecek?...

İşte dost-düşman bütün zihinleri meşgul eden bir mes'ele!...

Pilsudski gibi büyük kahraman yetişti-

ren bir milletin, — itik ne kadar ağır olsa da — taliin herhanği aksiliğine galebe çalmaktan aciz kalacağına aklımız ermez. Pilsudski'nin geçinmesi üzerine, Lihistan idaresinin gösterdiği intizam ile Leh milletinin dünyaları hayrette bırakan vatanseverce hissî tezahüratı bu sözümüzün delilidir. Pilsudski yoksa da Pilsudskicilik vardır yaşıyor.

Düşünüyoruz ki Lehistan'a „Hürriyet, Hudud, Kudret ve Sayğı veren Rehberle" Vavel'de vedalaşan Cumhuriyet Reisinin nutku bütün Leh vatanseverleri tarafından, can kulağıle, eşidilecek ve bütün vatandaşlar „Onun bıraktığı dünyalar değer faziletlerden tek birini zedeletmemek ve bıraktığı büyük terekeden ufacık bir parçayı bile düşürmemek icin kömelerinin kapularına karağollar koyacak ve bu suretle onun elemler görmüş Lehistan'ın hayat ve mukadderatı için titreyen büyük ruhunun ebediyet âlemindeki istirahatını temin edeceklerdir."

Mânalı yaşadığı gibi, dünyadan gitmesini dahi iyi bilen Mareşalın, vatandaşlarına bıraktığı rümuzî vasiyeti şayanı dikkattır: Yüreğinin Vilna'da annesinin ayakları altında gömülmesini, dimağının ise, tetkik için, fen adamlarına verilmesini, vücudunun da Vavel'deki tarihî türbeye götürülmesini istemekle o, adeta demek istemiştir ki, her Lehli kalbile anasına, kafasile ilme, vücudile de millî tarihine verilmelidir.

Sade her Lehli mi?...

Hayır!...

Pilsudski gibi kahramanlar, bütün mil îliklerine rağmen. beşerîdirler, Onların kendi, milletlerine yaptıkları hitab, bütün insanlara, hele benzer vaz'iyette bulunan milletlere yapılmış bir hitaptır.

Bilhassa Lehistan kahramanının hitabı ki bütün hayatını Rusya impẹryalizmi gibi, bizim de düşmanımız bulunan bir kuvvete karşı mücadelede geçirmiş ve bizim tapındığımız milliyet ilahasına ibadeti kendine din olarak kabul etmiştir.

* * *

Leh milletinin itiği büyüktür, Matemi payansızdır. Biz de itikteyiz. Bizim milletlerimiz dahi teessürdedirler. Lehliler millî büyük bir kahraman itirdiler. Başları sağ olsun. Biz de esir milletlerin manevi bir rehberini itirdik. Büyük acıda onlarla ortağız.

Lehli vatanseverler çalışacaklar ki Lehistan daima kuvvetli ve büyük kalsın. Biz de mücadelemizde devam edeceğiz ki milletlerimiz kurtulsun, birer müstakil devlet olsunlar.

Kuvvetli Lehistan ile Rusya esirliğinden çıkarak, müstakil devlet olan milletler — Pilsudski adına, bizce, bundan daha lâyık bir âbide olamaz!...

Mareşal Pilsudskinin defin merasimi ve Kafkasyalıların Lehistanın millî matemine iştiraki

Mareşal Pilsudski 12 Mayıs, akşamı saat 8.45 de vefat etmiştir. Bu elim haber ayni günün gecesi radiyo ile her tarafa bildirilmiş, 13 Mayıs sabahı da bütün Lehistan bu hazın haberle mateme gark olmuştur. Her taraftan gelen küme küme halk Belveder sarayına kuşuyor, gece gündüz oradan ayrılmayarak büyük bir teessürle, ağlıyarak bekliyüb duruyor. Yavaş adımlarla ilerileyen halk, uzun bir sıra halinde sarayda kayboluyor, millet Büyük Mareşalına veda ediyordu.

15 Mayıs sabahı Belveder sarayını, başta Kafkasya Konfederasyon Şurası azalarından Mehmed Girey Sunş ve „Promete" klubu reisi prof. R. Smal-Stotski olmak üzre Kafkasya ve Ukrayna koloni mümessilleri ziyaret etmişlerdir.

Ayni günün akşamı Mareşalın cenazes mutantan bir surette mukaddes Yan kilisasına kaldırılmıştır. Cenaze kilisaya götürülürken bütün evlerde ışıklar söndürülmüş, sokak lambaları siyah tüllerle örtülmüştü. On binlerce kişinin iştirak ettiği bu geçid tam bir mezar sükûtu içerisinde ileriliyor, arasıra bu sükûtu trampetenin hafif sesleri bozuyordu. Orkestra susmuştu.

Kilisada dahi Belveder sarayında olduğu gibi her kese son borcunu ödemek müsaadesi verilmişti.

Mayısın 16—17 gecesi Varşova sokakları şiddetli yagmura ragmen dagılmak istemeyen halk kalabalıgı ile dolmuştu. Her kes sabahi bekliyor. Çünkü 17 Mayıs sabahı Mareşalın cenazesi Mokotov meydanına kal-

dırılacak ve orada ordu Mareşalın önünde son resmi geçidini yapacak.

17 Mayıs sabahi mukaddes Yan kilisasında ruhanî ayin yapıldıktan sonra saat 11-e dogru cenaze alayi Mokotov meydanına dogru yol alıyor ve bir kaç saat sonra resmi geçide iştirak edecek ordunun, muhtelif teşkilat delegasyonlarının ve yüz binden fazla halkın toplamış oldugu meydana varıyor. Halk kalabalığı bütün sokakları dol durmuştu.

Cenaze arabası arkasınca Mareşalın derin bir mateme gark olmuş zevcesı, iki kızı gen. E. Rıdz-Smıgla ve gen. Sosnkovskinin kolunda olarak yavaş adımlarla yürüyor, bunların arkasınca da Mareşalın yakın akrabası cumhur reisi, ecnebi devlet mümessilleri, kor diplomatik, hükûmet erkâni, Seym ve Senat azaları, muhtelif din ruhanî mü messilleri yüksek mekteb rektorları, zabitan mümessilleri ileriliyordu.

Ruhanî ayin ve cenaze alayına Kafkasya halkları namına mümessil sıfatile M. G. Sunş, A. Gegeçkori, A. Azertekin ve, K. İmnadze iştirak ediyorlardı. Kafkasya muhacir kolonisi (şimalî Kafkasya, Azerbaycan ve gürcistan)nın hususî delegasyonu millî bayraklarile Mokotov resmî geçidinde bulunuyorlardı.

Resmî geçid yapıldıktan sonra Mereşalın tabutu generallar tarafından omuzıar üstünde kaldırılarlak Krakova gidecek hususî trenin açık vagonuna koyuluyor. Bütün merasim müddetince susan orkestra ancak bu vagona nakıl merasiminde ilk defa olarak Mareşalın sevdigi „Birinci brigada" marşını çalıyor ve atılan 101 top sesi orkestranın seslerine karışıyor.

Varşova ile Krakov yolu boyunca matem treni on binlerce halk tarafından karşılanıyor, ve defin günü Krakova yüz binlerce adam geliyor.

18 Mayısta saat 12 de Mareşalın tabutu Vavel'in zemin katına Lehistanın kralları ve büyük adamları yanına konuluyor. Mareşalın kalbi—vasiyetine göre—Vilnaya götürülerek orada hususi bir türbede anasının yanına defn edilecektir.

* * *

Mareşal Pilsudskinin vefatı Kafkasya muhacereti arasında dahi derin bir teessürü mucib olmuştur. Defin merasimine iştirak eden hususî delegasyondan başka Kafkasya muhacereti bulunduğu mahellerde Mareşalın hatırasını yad için bir kaç matem ihtifalleri tertib etmiştir.

Bu kabil bir ihtifal 14 mayısta Varşova'da ki „Promete" klubu binasında yapılmıştır. İctima Lehistandaki Kafkasya kolonisi adından Mareşalin tabutuna millî bayrakları havi gümüşten bir çelenk konulmasına karar vermiştir.

20 Mayısta „Kafkasya, Türküstan ve Ukrayna dostluk cemiyeti „nin teşebbüsile Pariste „Mutalite" salonunda bir ihtifal yapılmıştır. Bundan başka gene Varşova'da Mayısın 23-de şark enistitusunda, enistitu ve „Promete" klubunun teşebbüsile ikinci bir ihtifal yapılmıştır.

Bundan başka kafkasya koloni mümessilleri Fransa, Almanya, Türkiye, İran v. s. memleket merkezlerinde Lehistan diplomatik mümessilleri tarafından yaptırılan ruhanî ayinlere iştirak etmişlerdir.

Mareşalın vefat haberini alır almaz Kafkasya Konfederasyon Şurası, Mayısın 13 de Mareşalın zevcesine taziyet telgrafı çekmiştir. Bundan başka Lihistandaki Kafkasya kolonisi mümessilleri tarafından Mareşalin zevcesine, cumhur reisine, gen. Rıdz-Smıgla ve gen. Kaspjitskiye taziyet telgrafları çekilmiştir.

Kafkaslı

Onbir Mayìs 1918 yıl dönümü hakkında düşünceler

Maruf ingiliz mütefekkiri T. Carlyle*) yazıyor, ki:

İnsan faaliyetinin tarihinden ibaret olan beşeriyet tarihi, esasen, bütün yarattıkları beşeriyet için olan büyük insanların tarihidir.

Onlar, beşeriyetin birğe emekle elde etmeğe muvaffak olduğu her şeyin bezeği, yaratanı ve milletlerin yolbaşçısı olmuşlardır.

Dünyada gördügümüz her şey, bu dünyaya gönderilmiş olan büyük insanların kafalarında doğan fikirlerin yalnız zahirî, maddî şeklidir. Bütün dünya ve beşeriyet tarihi onların tarihidir. İşte onun içindir, ki büyük insanlar kultu, kahramanlar kultu daima insan hayatının tahrik edici güclerinden biri olmuş ve olmaktadır. Her millet

*) On Heroes and Hero-Worship.

ve her cemiyet bununla yaşamaktadır...”

Bir az değişilmiş şekilde amerikan mütefekkiri R. W. Emerson*) dahi ayni fikirleri söylemektedir”.

R. W. Emerson diyor, ki:

— „Büyük insanlara ve onların kultüne inanmak yaratıcı bir hadisedir. Onların faaliyetine hayret etmek ve hayran kalmak gencliğin ideali, ilerilemiş yaşlarda ise fikrî bir zevktir. Büyük insanlar, bizde uyandırdıkları duyğu ve fikir sayesinde, bizleri mânen yükseltiyor ve koruyorlar. Onların şöhreti sanki bizimle kaynaşıyor; bize öyle geliyor, ki bütün kâinat büyük insanlar — kahramanlar için, onların sayesinde yaşıyor. Yalnız onlar sayesindedir, ki hayat bir mâna, ehemmiyetli bir mahiyet ala biliyor. Onlara olan imanımız bizim kendimizi de yükseltiyor, hayatimızı daha parlak ve daha güzel şekle sokuyor”...

Doğrudanda, gerek bütün beşeriyetin tarihi, gerekse ayri-ayri milletlerin tarihi bu fikirleri teyid etmektedir.

Yeni devirler açan bütün tarihî hadiseler, beşeriyeti terakki ve tekâmül yolunda ilerileden medeniyet ve kültür sahasındaki bütün hareketler — Carlyle ile Emersonun kahraman ve millet yolbaşçısı adını verdiği ayrı-ayrı şahsiyetlerin yaradıcı hamlelerinden doğmuştur.

Beşeriyetin ve milletlerin inkişaf merhalelerini hududlandıran tarihî dönüm anları, o büyük insanların adlarile ayrılmaz şekilde bağlıdır.

Büyük insanların adlarını hatırladığımız zaman isteğimiz haricinde olarak, gözlerimizin önünde bütün bir devrin tablosu uyanır. Bir devir, ki üzerinde hatırladığımız şahsiyetin yaradıcı dehasile kurucu faaliyetinin tamgasını taşımaktadır. Bizim tasavvurumuzda devirle şahsiyet parçalanmaz bir kül halinde birleşiyor.

Büyük insanların adları ve faaliyetleri, — millî kahraman ve yolbaşçıların adları — milletlerin istikbali için bir temel teşkil eden millî psikoloji ile millî ruhun yaratıldığı esnada, bilhassa büyük rol oynıyorlar. Kahramanların adları, milletleri vecde getiriyor, büyük ideallerin ve büyük işlerin timsalı oluyorlar.

* * *

Büyüklük kultü ve kendi geçmişinin büyük şahsiyetlerini hürmetle anmak Şimalî Kafkasya an'anesine de dahildir. Asırların yarattığı kahramanlık an'anesi burada da derin surette kök salmış ve halk kitlesinin psikolojisine işlemiştir. Şeyh Mansurun, İmam Kazı-Muhammed, Hamzat-Bey, büyük Şeyh Şamil ve başkalarının adları, Kara denizden Hazer denizi sahillerine kadar, hududsuz bir hürmetle anılmaktadır. Milletin asıl ruhunun ifadesi olan halk san'atı, Şimalî Kafkasyada büyük kısmile kahramanlığa tahsis edilmiştir.

Fakat, bütün bunlara rağmen, kahramanlık ve büyük insanların hatırası önünde hürmetle eğilmek an'anesinin halkta derin surette kökleşmiş olduğuna bakmıyarak, yakın geçmişte, tarihin en mes'uliyetli imtihanı zamanı Şimalî Kafkasya hazimete uğradı. 1918 ncı yılın Mayısını 1919-un Mayısı izledi ve resmen şekillenmiş olan Müstakil Şimalî Kafkasya idesinin mağlubiyetine şahid olduk.

Bizden bazileri bu mağlubiyetin sebebini, Millî Şimalî Kafkasyanın iradesi haricinde ceryan eden objektiv hadiselerde görüyorlar.

Şimalî Kafkasyanın faciasında objektiv sebeblerin rolunu azaltmak istememekle beraber gene bu tefsiri çok muhtasar buluyoruz. Bu felaketimizin sebebi, çok mühim bir nisbette, bizim kendimize de taalluk eder.

Geçmişin derin kök salmış an'anesine dayanan halk kitlesinin kahramanlığı, en müsaid şeraitte bile, millî savaşın muvaffakiyeti için kâfi bir amil değildir. Bizce, savaşın muvaffakiyeti için, halkin idaresi gibi tarihî bir rol deruhte eden aktifin ehemmiyeti de az değildir. Bu aktif, resmen millî ideyi temsil etmektedir. Bu da azdır, daha ileri giderek diyeceğim, ki aktifin bu yolbaşçılığı çok zaman halledici oluyor.

Tarihin gidişini degiştirmek gayesini güden her bir savaş uzun, devamlı ve etraflı hazırlığa muhtactır. Çünkü tarih tesadüfî aktları ve tesadüfî adamları hiç sevmez.

Tarihin objektif sebeblerini minimuma endiren ve büyüklük tekliginde 30 milyonluk bir milletin tarihini yapan Mareşal Pilsudskinin daha açık olan mezarı başında durdugumuz bu günlerde bu vaz'iyet daha inandırıcı bir sesle seslenmektedir.

Millî savaşi idare zamanında tarihî ânın ehemmiyetini kayderken biz şunu de demeliyiz, ki yakın geçmişteki felaket günlerimizde bu an filen gayrı mevcud idi. O zamanki rehberlik tesadüfen kurulmuştu, esaret devrinde halk kitlesinin teşkiline ve mücadelesine karışmak gibi imtihanları geçirmemişti ve ancak rus ihtilâlinin ceryanı sıralarında teşekkül etmişti. Halk kitlesinin çarlıkla savaşında halkla hiç bir alakası olmıyan bu rehberler, sonraki

---

*) „Representative Men”.

hadiselerde de halk arasında nüfuz kazanamazlardı.

İşte, bu sebebdendir, ki millî ideyi resmen temsil eden Şimalî Kafkasya cumhuriyeti hükûmeti daha evvel, millî ide uğrunda halkın savaşı henuz başlamışken, sukut etti. Şimalî — Kafkasya Cumhuriyetinin Parlamentosu üzerinden Millî bayrağımız endirildiği zamanlarda idi, ki Denikin aleyhine isyan alevi de parlamağa başlamıştı.

Şimalî Kafkasyanın kanlı dirilme yıllarında, Şımalî Kafkasya devletinin temelleri atıldığı o facialı çağlarda, millî idenin yalnız resmî mümessili olanlar nesillerin teşekkür ve minnetdarlığına hak kazanmak iddiasında bulunamazlar. Kahramanlığın ve büyük teşebbüslerin hayranı olan Carlyle ile Emerson'un kastettiği onlar değildir. Halk edebiyatı da onları kahramanlık şarkilerinde terennüm etmiyecektir. Çünkü eski Nart'lar kahramanllığının ve İmamların şanlı devirlerinin ihyası onların şahsında vuku bulmamıştır.

Şimalî Kafkasya millî idesi büyük yapıcılarini daha beklemektedir. Bunlar oluncaya kadar, millet kendi içinden o büyükleri çıkarıncaya kadar, millet, kollektif ve mütesanid iradesini, teşkilatlandırılmış azmini istilâ kuvvetine karşı koymalıdır.

Şimalî Kafkasya başkalarından daha mes'ud bir vaz'iyettedir. Burası fırka ihtilaflarının tahribkâr tesirine yabancıdır. Sınıf husumeti ve ictimaî savaş Şimalî Kafkasyada mevcud değildir.

Fakat, onun millî iradesi, tarihimizin en kat'î anında, lâzım olan şekilleşmeyi bulamadı.

Bugünkü merhelemizde bütün gayretimizi, bu millî iradenin şekillendirilmesine ve onu icab eden teşkilatca temin etmeğe sarfetmeliyiz.

Doguj

Şimalî Kafkasyada tiyatro

Bu makaleyi, tesadüfen elimize geçmiş çok mahdud materyal üzerine yazıyoruz. Bu materyallerin çok kısmı tiyatronun Osetiyada, bir azda Dağıstanla Çeçenistanda inkişafına taalluk ettiği için, makalemizin noksan olacağı şüphesizdir. Bununla beraber, tiyatro san'atının bütün kabilelerde ayni şerait altında ve ayni âmilin sevkile inkişaf etmekte olduğunu bıldiğimiz için, istifade ettigimiz bu materyaller, Şimalî Kafkasyada tiyatro san'atının umumî manzarasını tasvire kâfi gelecektir, zannındayız.

Şimalî Kafkasyada ilk tiyatro 1870 de kurulmuştur. „Kara—Noğay—Yedişkul milletinin" arasında toplanan para ile Terek—Kala (Vladıkafkas) da kurulan bu ilk tiyatro rus tiyatrosu idi. Terek vilayetinin o zamanki reisi tarafından yazılmış olan rapora göre, „Şimdiye kadar işten sonra vakitlerini kumarda ve safahatta geçiren şehir ahalisile zabitanın yalnız eglenceleri için değil" bu tiyatro ayni zamanda „vaktile bize (ruslara) düsman olan dağlı kabilelerin hâkim millet içinde sür'atle erimesine ve temamile ruslaştırılmalarına" yarayacak bir âmil dahi olacaktı.

Bu gayelerle meydana çıkan Rusyanın Şimalî Kafkasyalıların millî tiyatro yaratmalarına imkân vermiyeceği tabiî idi. Teşekkül eden tiyatro-dram dernekleri rus çinovniklerinin amansız takibatı altında inkişaf edemiyordu.

Bütün bu müşkülata rağmen, Şimalî Kafkasyada millî tiyatro san'atının pionerleri bu yolu en doğru yol olarak seçmişlerdi. Osetiyada ana dilinde ilk tiyatro temaşası 1905 de Kartatın geçıdindeki Hidikus aulunda gösterilmiştir. Amator-tiyatroçuların gösterdikleri ilk piyes maruf asetin dramaturğu Elbızdıko Britayefin „Şerefsizlikten Ölüm eyi" eseri idi. Ondan sonra Hidikus aulunu başka osetin köyleri de taklide başladılar. Ayni yılda mezkûr piyes Mozdok nahiyesi gibi uzak yerlerdeki Osetin aullarında bile temsil edildi.

1906 de, Terek-Kala mekteblerinde okuyan osetin gençliği daimî bir tiyatro derneği tesis ettiler ve Britayefin eserlerinden başka, vakitsiz vefat eden çok zeki ve bacarıklı osetin edibi Roza Koçısova hanımın „Pristav (polis şube müdüru) delirmiş" adlı vodevilini de oynamışlardır.

1908 de Terek-Kala'da temsil edilen E. Britayefin „Hazbi" piyesi, akisleri Osetiyanın en uzak bucaklarına kadar yayılan büyük bir hadise teşkil etmiştir. Temsilde müellif kendisi de bizzat iştirak etmişti; fakat hemen, temsili müteakib rus polisi tarafından tevkif edilerek Narzan kalesine salınan Britayef zindanda iken „İki Bacı" (İki kız kardeşler) eserini yazmıştır. Bu piyes

1909 de Terek-Kalanın ticaret klubunda oynanmıştır.

Terek-Kalada tiyatro dernekleri kurulduğu zamanlarda Ardon, Alağir, Tshinval, Mozdok ve Bakûde (ki bir çok osetinler tahsilde bulunuyor ve çalışıyorlardı) dahi tiyatro dernekleri tesis edilmiştir.

Gene takriben ayni yıllarda Dağıstanın Ahtı, Kumuh, Derbent ve sair yerlerinde dahi tiyatro cemiyetleri meydana gelmiş ve hemen her yerde yapıcılar mektebli genclerder ibaret olmştur.

Bu dernekler arasında en çok nazar dikkatı celbeden bir kaç yıl mütemadiyen çalışmağa ve bu müddet zarfında bediî simasını göstermeğe muvaffak olanlarıdır.

Osetinlere mahsus dernekler arasında bu gibileri üç idi, ki Terek-Kala, Mozdok ve Tifliste çalışıyorlardı. Bunların arasında da en mükemmeli Tiflisteki dernek idi Terek-Kaladaki derneği Tatrof, Mozdoktakini Alborof (Mozdok lisesinin sabik muallimlerinden, hali hazırda Terek-Kaladakf Şimalî Kafkasya pedagoji enstitüsü professoru), Tiflistekini ise Abayef B , Habaye- H., Datiyef İ., Tuganof A. ve başkalari idare etmekte idiler.

Repertuara Britayetin eserleri, Tatrofun: „Mel'un" (Ælhyst), Habayefin: „Osetiya ve Rusya", Korayefin maruf komedisi olan „Ben değil, Kedi idi", Tomayefin „Önce öldüler, sonra evlendiler" gibi piyesler dahil idi. Bunlardan başka gürcü, rus v. s. dillerden de tercümeler vardı.

Her piyes oynanmadan Tiflise sansora gönderiliyordu. (Mekteb muallimi rus olmıyn aullarda bu usule riayet edilmiyede bilinirdi). Tifliste piyes Kafkasya vadii umumisinin göżünden geçtikten sonra mahallin valisine gönderilir, o da polis müdürüne verir, yalnız bütün bu silsilei meratibden sonra temsiline müsaade edile bilirdi.

Yukarıda yazdığımız gibi bu dernekler içinde en mükemmeli Tiflisteki idi. Bu dernek 1904 de kurulmuş ve ilk temsilini Vetsel otelinin salonunda vermişti. Bu temsilin san'at itibarile yüksek degerini o zamanki Tiflis matbuatı kaç def'a kaydetmişti.

Bolşevik hakimiyeti devrinde Şimalî Kafkasyada millî tiyatro zahirî bir canlılık elameti gösterdi Tiyatronun sahası genişledi. Meselâ: 1924 de Terek-Kalada „Dağ çocukları" adile koreografik heyet teşekkül etti, bir çok yerlerde musiki dernekleri vücude geldi. Aullardaki mekteb binaleri, sovyet klubları ve başka münasib yerler tiyatro için istifade edildi. Dağıstan bütün başka „muhtar vilayetleri" geride bıraktı. 1925 de, o zamanın maarif komiseri olan Ali-Bek Taho-Godi'nın teşebbüsile Şamil-Kalada, rus rejisoru Şatrofun ideresi altında, ilk millî tiyatro mektebi tesis edildi. 1927 de bu mekteb Temir-Han-Şura tiyatrosunda muntazam temsillerine şuru etti. Temsil edilen piyesler Malaçıhanofun „Hakiş", Neriman Nerimanofun „Nadanlık", „Nadir Şah", Daudofun „Evlenme" eserlerile ilk kumuk dramaturğu Temir-Bulat Bekbulatofun ve başkalarının piyesleri idi. Temir-Han-Şura tiyatrosunda tamsiller hep kumuk dilinde gidiyor. Ayni zamanda Derbente türkce ve tatca, Ahtıda—kürünce, Hunzahta—avarca, Kumuhta—lakca tiyatrolar kuruluyor.

Diğer vilayetlerde de tiyatro mektebleri açılıyor, meselâ: Nalçikte kabardınca, Krasnodarda çerkes—adigece, Mikoyan—Şehirde karaçayca, Batal—Paşada Çerkes muhtar vilayeti için tiytrolar tesis olunuyor.

Maruf çeçen dramaturğu Said Baduyef 1933 de Suyunc—Kalada Çeçen millî-tiyatrosu kuruyor (daha doğrusu mevcud tiyatro derneğini tiyatro heyetine çeviriyor) ve mütehassis olarak, Tiflisteki osetin tiyatrosu kurucularından A. Tuğanofu davet ediyor.

Şimalî Kafkasyanın halk kitlesi arasında tiyatro temsilleri büyük muvaffakiyet görüyorlar. Meselâ: 1929 de Temir—Han—Şura tiyatrosunun seyyar temsillerini seyretmek için Aşağı Kazanışa, Çalı, Çudren, Kara—Budakent, Aksay, Hasaf Yurt v. s. yerlere etraf aullardan binlerle ahali akışmıştır. Hurari aulundaki temsile 8 auldan 12,000 köylü gelmiş ve temsili açık havada göstermek ihtiyacı hasıl olmuştur. Bu temsilden sonra aktorlardan biri seyirçilere „hoşunuza gitti mi?" tarzında lakonik bir sorğu sormuş ve ayni tarzda „Kendimizi rüyada hissediyoruz" cevabini almıştır.

Fakat, sovyet şeraitinde tiyatrolar her daim böyle bitmez.

Ayni trup, Hurariden evvel Kakatura köyünde bolşeviklik propağandası yapan bir piyes oynadığı zaman seyirçiler tarafından taş, demir, cam, çamur, agacla taşlanmış ve aktorlar temsili yarıda bırakib kaçmak suretile canlarını kurtara bilmişlerdir.

Bu vak'a tiyatro san'atının Şimalî Kafkasyada ne çekilmez tazyik altında inkişaf ettiğine bir delildir.

Tiyatroda repertuar mes'elesi en hasta bir mes'eledir. Kendi şiddetile sovyet sansoru çar sansorunu bile gölğede bırakmıştır. Millî tiyatroya zahiren inkişaf etmek imkânını vermekle beraber, sovyet hükûmeti çar hükûmetinden daha muntazam bir inatla bu tiyatroyu „bir zaman ruslara düşman olan dağlı kabileleri temamile

ruslaştırmak" silahina çevirmeğe çalışıyor.

Millî bir ruh taşıyan eski repertuarın temsiline müsaade edilmiyor. Osetiyada Britayefin, Koçisovanın (rus polis memurunu istihza ettiği için, çünkü istihza edilen polis memuru, çar memuru da olsa gene rustur), Korayefin ve başkalarının eserleri artık oynanılamaz. Çeçenistanda „Alibek Hacı" dramı yasak edilmiştir. Çünkü bu piyes komsomol ruhu ile yazılmış olsada gene 1877—78 de Rusyaya karşı vaki olan isyandan bahseder. Sovyet muharirlerinin yazdıklarına göre „aktorların fena oynamalarına rağmen tiyatro salonunu hinca-hınc doldurmuş olan seyirçiler oyunu sürekli alkışlarla karşılamakta imişler.

Sovyet russifikatorları bu „cinayete" nasıl tahammul ede bilirlerdi?!

Bütün bu siyaset neticesinde millî tiyatro repertuar „aclığına" tutulmuştur. „Dağlı muhtariyetlerinde" yetişen millî yazıcı kadrosu, sovyet hükûmetinin „resmî tapşırığını" bilmecburiye icra ediyorlar.

Çok zaman „Kızıl Kale", „Kızıl Partızanlar" ve ilh... gibi „masum" unvanlar altında yazılan piyeslerde bile „milliyetçilik kaçakçılığı" keşfolunuyor. Bu gibi eserler tantana ile afiş edildiği halde ayni gürültü ile de sahneden atılıyor. Şimalî Kafkasya muharrirlerinin ekseriyeti Sovyet hükûmetinin bir alet gibi kullandığı millî sahneyi boykot ediyorlar. Onun içindir, ki son zamanlar tercüme eserleri artmıştır. Bu tercümelerin de çoğusunu sovyet propaganda piyesleri teşkil etmektedir.

Şimalî Kafkasya millî tiyatrosunun inkişafına mâni olan âmillerden biri de sahne teşkilatının ağır maddî vaz'iyetidir.

Şimdiye kadar yalnız Temir—Han—Şura tiyatrosunun binası vardır, ki o da en az ihtiyaca bile kâfi gelmiyor. Diğerleri ise tam manasile köçebe hayatı geçirmekte olub, şehirlerde temamile ruslar elinde bulunan büyük binalerin birinden ötekine taşınmak ve kovulmakla meşguldur. Tiyatrolar kostum, dekor v. s. gibi zarurî aksamdan mahrumdur Hali hazırda Terek—Kala-da Osetin tiyatrosu için bina yapmak konuşmaları gidiyor. Başka vilayetlerde bu gibi konuşmalar bile yoktur.

Bütün bu engellere ve müşküllere rağmen, sovyet hükûmetinin ruslaştırma siyasetine ve millî tiyatronun ihtiyaclarına ehemmiyet vermemesine bakmıyarak Şimalî Kafkasya millî tiyatrosu inkişafında devam ediyor. Dağıstanda Amir Kurbanof, Rahimof ve başkaları, Çeçeniştanda Alhazof, Kahramanof, İsayeva Asya hanım, Yahıhanova Meryem hanim ve başkaları gibi muktedir rejisor ve aktor kadrosu yetişmektedir. San'at sahasında yeni muvaffakiyetler elde ediliyor, meselâ: çeçen dramaturğu Baduyefle kompozitor G. Mepurnof, rejisor ve aktor A. Tuganofun iştirakile „Zeyneb" adlı musikili komediyi ikmal etmişlerdir. Bu ilk musikili dağlı piyesidir.

Böylelikle demek olur, ki Şimalî Kafkasya millî tiyatrosunun istikbali temin edilmiştir. Şimalî Kafkasyada millî ruh ve millî istiklâl aşki nasıl ölmedise, san'at sahasındakı faaliyetimiz de ölmiyecek, devam edecektir.

Джаван

Практические задачи северо-кавказской эмиграции*)

Массовые политические эмиграции подразделяются в основном на два вида: эмиграции, покинувшие родину в результате социальных изменений и переворотов, и эмиграции национальные, исход которых вызван был нашествием внешних сил и установлением иноземного режима, который при всех условиях чреват для автохтонов насилием и угнетением.

Эмиграциям первого типа, как правило, не суждено бывает играть сколь-нибудь значительной роли в устройстве будущих судеб своей родины. Являясь, чаще всего, носителями идеологических ценностей старого порядка и отражая мировоззрение побежденного меньшинства, они, оторвавшись от родной действительности, не в состоянии бывают приспособить свою идеологию к изменившимся условиям жизни, и, в конце концов, или перестают существовать в качестве эмиграции, ассимилируемые окружением в местах своего рассеяния, или же капитулируют и отказываются от своих идеологических установок.

Совершенно иной характер имеют национальные эмиграции. Покуда национальная эмиграция сохраняет себя в идеологически активном состоянии, ей не грозит отрыв от родного национального ствола.

*) Настоящая статья переведена с турецкого языка и подвергнута при этом незначительной переработке Автор статьи, старый эмигрант, проживает в одном из городов Анатолии.—Р-ция.

Национальная эмиграция всегда дополняет борющийся народ, ибо основная цель национального движения в период угнетения остается неизменной — стремление освободить нацию и страну сохраняет до момента своей реализации абсолютную мощь и преобладает над всеми иными стремлениями. Конечная цель в национально - освободительном движение примиряет и об'единяет; национальная эмиграция, имеющая на своем знамени эту цель, может быть уверена, что идет по линии общенародного движения. Национальная эмиграция и в изгнании продолжает составлять часть своего народа, т. к. не отделяется от него пропастью идеологических противоречий.

Тождественность идеологических стремлений национальной эмиграции и народа влечет за собой и тождественность практических починаний. Работа эмиграции в своей сущности аналогична работе общенациональных сил на родине. И если мы разберем эту сущность, то увидим, что основой национально-освободительной работы является подготовка и организация национальных кадров — кадров, вокруг которых в решающий момент установления национальной государственности будут об'единятся широкие массы народа. Вопрос кадров является главным вопросом в национально-освободительном движении, т. к. наличие мощных и спаянных групп свидетельствует о высокой организованности движения, а организованность — в неменьшей степени, чем энтузиазм, — является основой победы.

Для национальной же северо-кавказской эмиграции вопрос этот имеет исключительное значение, т. к. удельный вес эмиграции у нас особенно велик — в изгнании пребывает почти четвертая часть нашей нации. Если эта миллионная масса полностью проникнется национальным духом и выделит из своей среды соответствующие ее количеству организованные кадры, то мы смело можем сказать, что период изгнания был нами использован надлежащим образом.

В каких же формах должна вестись эта организационная работа среди масс нашей эмиграции? По-нашему, работа, охватывающая столь обширное поле деятельности („обширное" не только по количеству эмиграции, но и в виду ее разбросанности), должна иметь общественный характер. Чисто политические организации, имеющие свои центры в Европе, должны лишь отражать эту работу, использовывая ее в целях национально-пропагандных. Она не должна служить целям политической игры различных клик и политических группировок, претендующих на монопольное представительство национальной идеи.

Естественно, что организационная работа возможна только там, где имеются массовые скопления эмиграции и где последняя имеет возможность относительно свободной общественной деятельности.

Такими странами в настоящий момент являются арабские государства: Сирия, Египет, Трансиордания, Палестина и Ирак. В этих странах наша эмиграция живет компактными массами, а в Сирии и Египте имеются даже общественные организации, об'единяющие в себе национально активный элемент. Общее количество эмиграции достигает здесь 80—100 тыс. человек.

Работа в первую очередь должна охватывать молодежь, и это не только потому, что молодежь более отзывчива и легче воспринимает возвышенные лозунги, но и потому, что лишенная надлежащей заботы она легче может поддаться ассимиляции.

Для работы среди молодежи мы имеем прекрасные примеры в Западной Европе в лице скаутинга и различных спортивных организаций (нужно заметить, что в Каире уже имеется Черкесская дружина скаутов, т. что начало уже положено). И скаутинг и различные виды спорта, нося массовый характер, дают возможность широкого влияния на молодежь и приучают ее к дисциплине духа. Вместе с этим, развивая молодежь физически и имея характер военных организаций, они могут восполнить пробел, который существует в нашем движении благодаря отсутствию национальной армии. Наши скауты и спортсмены, воспитанные в национальном духе, могут стать стальным остовом, который ляжет в основу будущей национальной армии. Не нужно забывать, что легионы Пилсудского, принесшие на своих штыках Польше свободу, зародились из полуспортивных - полувоенных организаций т. н. стрельцов. Не нужно забывать и того, что на Родине нашей такая работа является невозможной: условия строгой конспирации исключают там всякую массовость в работе. Последний момент еще более повышает значение такой работы в эмиграции и ответственность всех нас перед Родиной и Нацией.

И мы надеемся, что наши братья в тех странах, где северо-кавказская эмиграция пользуется относительной свободой, обратят должное внимание на эту основную

Ольгерд Найман-Мирза-Кричинский

К 15-ой годовщине смерти Фатали Хана Хойского

19 июня 1920 г. в Тифлисе был убит на улице двумя выстрелами из маузера состоявший в Азербайджанской Республике к моменту происшедшей 27 апреля 1920 г. большевистской оккупации Министром Иностранных Дел Фатали Хан Хойский.

Покойный, 45 лет, с высшим юридическим образованием, бывший депутат Государственной думы, был одним из самых выдающихся политических деятелей Азербайджана.

Состоя непрерывно во главе правительства с 28 мая 1918 г., когда была провозглашена независимость Азербайджана, до 14 апреля 1919 г., Хан Хойский с выдающимся успехом выполнил трудную задачу устроения государства в самый ответственный и тяжелый период его жизни.

Покойный не принадлежал ни к какой политической партии, но, будучи по своим политическим убеждениям национал-демократом, примыкал в азербайджанском Парламенте к партии центра („Мусават").

Его беспартийность в связи с прямым и твердым характером его натуры не обеспечили ему в последний год, в атмосфере ожесточенной партийной борьбы, той роли, в качестве руководителя государственной жизни, которую он мог и должен был играть.

Обращаясь к мотивам совершенного над Ханом Хойским террористического акта, надлежит предположить в данном случае не ненависть со стороны азербайджанских большевиков, с которыми покойный не имел никаких персональных счетов, а скорее всего месть со стороны руководящей партии иностранного государства, которая опасалась, как бы на покойного не выпала в будущем роль нового устроения Азербайджана, этой, по ее мнению, „Турции № 2".

Некоторый свет на этот вопрос проливает изданная в 1919 г. в Ростове на Дону книга Гр. Чалхушьяна „Красная книга", в которой автор, вспоминая о Хане Хойским, говорит, что он признает „один испытанный способ управления государством — резню", — что было лишь гнуснейшей ложью, так как никто более резко и прямолинейно не вел борьбы со всякого рода национальными ексцессами, чем это делал Хан Хойский, когда он стоял у власти.

В Пантеоне азербайджанских деятелей Фатали Хан Хойский займет достойное место.

Догуж

Народные песни и сказания на Северном Кавказе

Запасы словесного народного творчества на Северном Кавказе буквально неисчерпаемы. Особенным разнообразием и обилием форм отличаются песни и сказания. Достаточно отметить, что только в одной Аварии записано в последние годы свыше 700 песен, почти такое же количество в адыгейских областях и свыше 300 в Осетии.

Если мы будем сравнивать народную словесность отдельных племен, то увидим, что, несмотря на языковые различия, многое в произведениях этой словесности является общим, во многом она является созданием не племенного, но общенационального духа.

Такими общими чертами являются в ней, например, тематика и форма поэтического изложения. Многие песни отдельных племен посвящены общенациональным героям (прежде всего Имаму Шамилю); легенды о Хочбаре (аварская), Андемыркане (кабардинская) и Чермене (осетинская) настолько близки себе по духу, что их можно назвать вариантами одного и того же сказания. Наконец, богатейший цикл нартовских эпических сказаний одинаково по-

---

задачу нашего национального движения и с надлежащей энергией приступять к ее выполнению. Их ответственность тем более велика, что основная масса нашей эмиграции лишена возможности выполнения этой задачи.

пулярен как в Абхазии и всей Адыгее, так и в Карачае, Чечне, Осетии и т. д.

В отношении же формы изложения можно сказать, что поэтический эпитет играет в ней исключительную роль. Он очень часто заменяет собой название предмета, о котором идет речь.*) Отмечая это, проф. Жирков говорит, что подобную роль поэтический эпитет играет только в поэзии арабов. На ряду с этим, северо-кавказская народная поэзия характеризуется и чрезвычайной силой, меткостью и образностью языка. Вот, например, несколько отрывков из чечено-ингушских текстов.**)

Из эпической песни об Эль-Мурзе:

„Сам, свирепей медведя, опоясал он свое оружие, и, как легкий ястреб садится на дерево, вскочил Эль-Мурза на коня своего...

...Приехали они к синему Тереку, и их лошади им служили лодками, а их плети веслами...

...Вышли за ними русские в погоню и, догнавши, окружили их. Окруживши их, начальник послал к Эль-Мурзе требовать сдачи.

И сказал ему посланный: „У тебя нет крыльев, Эль-Мурза, чтобы взлететь на небо; нет и когтей, чтобы выкопать нору и уйти под землю."

И ответил Эль-Мурза: „Крылья мои на небо—мое крымское (ружье), а мои когти, чтобы сделать нору—моя шашка терсмеймуль. И сдамся я только тогда, когда вместо газырей надену женские петли"...

Из эпической песни о Хамзате:

...„Такой жаркий день, что на одну лишь тень от наших шашек мы и можем надеяться".

Из лирической песни:

...„Я расцеловала бы и тогда, если бы уста его, как у волка, были окровавлены."

Из песни о богатыре Нахчоо:

„Мы родились ночью когда щенилась волчица. Нам дали имя утром, когда барс ревом своим будил окрестность."

Наиболее монументальным созданием северо-кавказского фольклора является, несомненно, нартовский эпос. Как мы уже отметили, он в полной мере может быть назван общенациональным. В бесчисленных вариантах курсирует он среди всех племен, являясь источником множества обыденных поговорок и сравнений. Герои его — легендарные Нарты—и сейчас еще служат воплощением национальных добродетелей, хотя нередко приключения их облачаются в форму благожелательного анекдота.

Со стороны внутренней формы, нартовский эпос хранит в себе, с типическими для фольклора смешениями и напластованиями, остатки древнейшего мировозрения, стариннейших космических культов. В частности, в нем наличествует весь комплекс мировой эпопеи, нашедшей свое литературное завершение в кельтском романе о Тристане и Изольде (Мих. Талпа). Таким образом, нельзя не согласиться, что значение нартовского эпоса выходит далеко за пределы Северного Кавказа и является общемировым. И это тем более, что и по своей внешней форме он представляет из себя образец высокохудожественной поэзии.

Не меньшее значение имеют и северокавказские варианты мифа о „Прометее". Несомненно, что миф о „Прометее" не греческого, а кавказского происхождения, т. к. на Кавказе он до сих пор является интегральной частью живого фольклора. В пользу этого утверждения говорит и то, что герой греческой мифологии был прикован к кавказским скалам, как равно и то, что древние греки поддерживали с кавкасскими народами весьма тесную связь.

Горский „Прометей" у различных племен называется по разному. У абхазцев — Абирискиль, у адыгейцев — Иныш, у осетин—Амран и т. д.

Сказание о „Прометее" у адыгейцев изложены в легенде об Ошха-Махо (Эльбрусе).

„Никто из людей — говорит кабардинская легенда*)—на вершине этой горы не был. Один могучий одноглазый человек, по имени Иныш, в очень давние времена осмелился проникнуть в расщелину между обеими вершинами. Тха (Бог) в наказание за дерзость приковал этого могучего человека длинной цепью к огромной, видной издалека, скале. Старым стал могучий человек. До живота доходит длинная борода, белизной подобная снегу на Ошха-Махо. Сгорбился.

Могучий Тха кроме того послал птицу хищную: каждый день прилетает и безжалостно рвет клювом сердце прикованного.

Когда же несчастный старик накло-

*) Например, в одной аварской песне о ружьях и шашках говорится так: „Взявши крымские в волчьих чехлах и стамбульские, на казаках испытанные,"...

**) Изв. Инг. научно.-иссл. инст. — Л. Семенов „Ингушская и чеченская народная словесность".

*) „Сев. Кавк. большевик"—статья Мих. Талпа "Из кабардинского фольклора".

няется, чтобы попить немного воды из чистого родника, бьющего из скалы, коршун, птица хищная, прежде него все до капли выпивает. Чудесная сила в воде заключена. Кто ту воду выпьет — будет жить до конца света.

Придет время и Тха, разгневанный на людей, освободит старика от наказания, спустит его с цепи, и тот станет вымещать на людях свои долгие страдания".

Много аналогий в содержании легенды и у иных племен. Вот, например, осетинский вариант (из южной Осетии) в переводе и обработке Дзахо Гатуева:

Гибель Амрана*)

Не было места
На суше и море,
Где б силу не пробовал
Амран Даредзанти.
Один только Хцау**)
Им не был испытан.
Задумал он Хцауа проверить.
Тогда ехал Хцау по дороге,
   На лошади сидя.
Амрана увидев, сказал:
—„Да будет прямою дорога твоя,
Племянник Амран"...

Ответил племянник:
—„Да будет прямым твое дело,
Родня моей матери...
Слезай и поборемся:
Увидим, кто сильный".
Тогда Хцау сказал:
   —„Амран,
Борьбою со мною не сладишь."
—„Слезай, Хцау, проверим
Я и ты свои силы!"
Хцау бросил на землю
И просит Амрана:
—„Подай мою плеть!"
Нагнулся Амран,
Схватился за ручку,
Но плеть с места двинуть не может.
  А Хцау,
Разозлившись,
Наслал на Амрана праведников —
На Уорсаджи-хохе***)
Амрана связали праведники.
Амран Даредзанти
До этого дня
На Уорсаджи-хохе закован в пещере.

Однажды Дзудта Куци
Пошел на охоту.
Наткнулся в ущельи на двери пещеры.
Открылись они.
Увидел охотник:
Амран Даредзанти
Цепями железными связан
И в синем дыму синим блеском
[сверкает.
Глаза его—бычьи ошейники,
Корявы, как дерево, руки...
Охотник его испугался,
  Хотел убежать.
—„Не бойся, ведь я —
Амран Даредзанти.
Приблизься ко мне".
Охотник послушался...
—„Подай мне мой меч", —
Амран попросил.

К мечу потянулся охотник —
Не сдвинулся меч.
— Не взять мне его...
Что делать?...
—„Одною рукой ты держи перевязь,
Другую — дай мне..."
Охотник послушался.
Амран потянул—закричал Дзудта Куци:
—Порвешь мое тело!...
Амран отпустил Дзудта Куци,
  Сказал:
  —„Спеши,
И если ты сможешь
  Без споров
С небес оброненную цепь
Ко мне принести,
То вырвусь отсюда
И счастье придет к вам,
  Земные!"

С небес оброненная цепь
У Дзудта Куци была дома.
  Вбежал он домой,
  Цепь сбросил,
  Схватил и понес.
Жена увидала и крикнула вслед:
—Куда ты несешь мою цепь!...
Тогда вот закрылась пещера...
Цепями железными связан
Остался Амран.

В настоящее время культурные учреждения на Северном Кавказе — в пределах, доступных в условиях оккупационного советского режима, — стремятся собрать и систематизировать весь богатейший материал устного народного творчества. Научно-исследовательские институты в „автономных областях" проэктируют реализацию обширных издательских программ,

---

*) Взято из: „Амран"—перевод, обработка и комментарии Дзахо Гатуева; из-во „Academia", Москва — Лениград. Настоящий отрывок является одной из глав этой поэмы.

**) Хцау = Бог.

***) Название горы.

долженствующих охватить народное творчество во всем его об'еме.

Но все эти проэкты едва ли дождутся осуществления. В советских условиях может быть издана лишь незначительная часть северо - кавкасского фольклора, не стоящая в резком противоречии с догмами правящего режима. Возможно, что и эта часть будет подвергнута соответствующей обработке и потеряет свой первоначальный характер. Чужеродный режим, навязанный нашей стране извне, всегда будет препятствием для творческих устремлений, источником которых является национальная самобытность Северного Кавказа. И только полное изгнание этого режима, только национальное освобождение, являющееся конечной целью всех наших чаяний, даст нам возможность не только творить новые духовные ценности, но и свободно наслаждаться древней сокровищницей народного творчества, сохранившего для будущих поколений в художественно-прекрасном изложении память о героических деяниях прошлого.

От редакции: В целях ознакомления наших читателей с словесным и письменным творчеством Северного Кавказа, редакция, с настоящего номера, решила помещать на страницах журнала переводы образцов народного творчества и произведения отдельных авторов. Но при этом читатели должны помнить, что имеющиеся переводы далеко не всегда являются совершенными и лишь в слабой степени отражают красоту и оригинальность первоначальных текстов.

Из народной поэзии Север. Кавказа

Зелимхан

(Аварская песня)

Тура ищет волк.
Путь на Грозный
Держит царский полк, —
Встретить Зелихмана
Вышел царский полк.

Дагестан в огне.
Много дыма
От костров в Чечне,
Виден след абрека
Далеко в Чечне.

Тур сломал рога.
Хочет в горы,
Где горят снега.
Там, в горах, вольные
Ветер и снега.

Кличет волк волков.
Из аулов!
Видит шерсть штыков.
Волчьей шерстью склочась,
Блещет сталь штыков

Вспомнит жизнь абрек:
Быть бы птицей!
Взять крылом Казбек!
Эх, далек, не виден
В дымах гор Казбек!

Тучей пыль — свинец.
Доблесть в битвах
Знает удалец.
Знает, что абреку
Подошел конец.

Салтинский мост*)

(Аварская песня)

Тучи, как скалы:
Гранитная глыба,
Небо упало
На скалы Гуниба.
Гей, почему все черешни в цвету
И скворцы поют?
Гей, почему на Салтинском мосту
Барабаны бьют?
Трупами черные
Выстланы скалы,
Жены на жернове
Точат кинжалы.
Гей, по ущельям проносится гром:
Или град пошел?
Гей, закружил над Салтинским мостом —
Золотой орел?
Царское знамя
С орлом двухголовым —
Дымное пламя
Над гибнущим кровом.
Гей, по ущельям, по рощам, по рвам
Разбрелись быки.
Гей, под Салтинским мостом, как трава,
Полегли полки.
Вскинься медведицей
Ярость свободы!
Славой осветятся
Черные годы!
Гей, посвети на Салтинском мосту —
А земля красна?
Гей, посвети на Салтинском мосту
Мертвецам луна!

*) В 1919 г. на Салтинском мосту уничтожен был отряд деникинских казаков. В песне воспевается это событие.

СОСРУКО

(из эпоса о нартах — кабардинский вариант)

На берегу реки белье стирала Сатанэй.

Пастух коров нартских, сидя на скале, загляделся на Сатанэй.

Женщину красивую полюбил пастух.

„К тебе идет, Сатанэй" — он крикнул и брызнул через реку каплю семени.

У ног Сатанэй на камень упала капля.

Жадно впитал ее камень.

Сатанэй тот камень подняла, с собой понесла — в сундук положила.

Девять месяцев, девять дней и девять часов камень лежал.

Выросла глыба.

Кузнец Тлепш*) эту глыбу разбил.

Оттуда выпал младенец Сосруко, пылающий жаром, скатился на подол Сатанэй, прожег сорочку ее и упал на землю.

Тлепш взял младенца щипцами за концы колен и семикратно погрузил в воду.

Так остудил.

Тело Сосруко было сталью, лишь концы колен, какие были охвачены щипцами, — стали плотью обычной.

* *
*

Все нарты земли нартской сошлись, чтобы способ придумать, как им извести Сосруко. „Не минет Сосруко ни единого нарта — всех перебьет. Не лучше ли нам его самого уничтожить?" — так говорили собравшиеся.

Была у Сосруко любовница.

Однажды ночью Сосруко отправился к ней.

Под'ехал на коне к воротам и видит — ну, чудо! Старичек-малыш, сосед любовницы, в плетень заткнут вместо кола.

Пришел в изумление Сосруко.

Заставил коня перепрыгнуть через плетень. Привязал коня, а сам вошел в дом. И видит — ну, чудо — унаутка**) любовница, сидя, спит у очага, а рука ее лежит в пламени — чадит, дымится.

Опять пришел в изумление Сосруко.

Входит в следующую комнату и видит — ну, чудо — отец любовницы спит, а на его языке клубится змея и сосет. Мать же любовницы сидит и ест из миски опилки.

Снова пришел в изумление Сосруко.

Пошел в покой любовницы.

Поел. Сано белого***) выпил. Только что лег он рядом с любовницей, чувствует — чудо! Один бок любовницы, как огонь пламенный, другой — холоден, как лед.

Тогда спрашивает Сосруко: „Что здесь у вас случилось"?

Любовница в ответ:

— Сосруко, мой свет. Все нарты земли нартской сошлись и решили тебя извести. Разыскали старуху-колдунью и ей поручили найти способ, как извести тебя. Все, что ты только что видел — это проделки той злой ведьмы. Завтра, когда будешь ехать домой, смотри, не поднимай ничего, что можешь найти на пути — на дороге. Если поднимешь — знай — будешь убит.

На следующий день Сосруко, едучи домой, увидел на пути — на дороге приманку — красную треногу. Не поднял. Дальше он увидел аркан. Не поднял. Попадается третья приманка — золотой шлем.

— „Дважды я не поднял — но мимо этого не проеду", сказал он и поднял золотой шлем. Надел его на свою голову.

Затем обратился Сосруко к своему Крепкоуздому:*).

— „Много лет служили мы друг другу, но еще не знаем предела нашему мужеству. Сегодня нам предстоит выяснить это, мой Крепкоуздый".

Крепкоуздый Тхожей отвечает: — „Ты ведь до сих пор ни разу не оставался в поле один из-за недостатка моего мужества. И я также из-за недостатка твоего мужества ни разу не был брошен в поле на произвол.

Давай-ка лучше прекратим этот разговор — ничего доброго из него не получится. Знай, никакое животное во всем свете не сможет догнать меня, если только не попаду на каменистую почву. Так вот и старайся, чтоб не оказался я на каменистом пути".

— „Любое оружие бессильно против меня, лишь бы оно не коснулось моих колен. Обычная плоть — мои колена, и сабля быстро их поразит. Иначе я непобедим" — сказал Сосруко.

Только он молвил последнее слово, — шлем слетел с головы. Исчез.

Сосруко помчался к Харама-холму. Глянул и видит — все нарты земли нартской в лощине собрались — кучками толпятся.

---

*) Мифический кузнец.
**) Рабыня.
***) Богатырский напиток нартов.

*) Мифический конь Сосруко.

Ведьма-старушка нартам сказала — „Жан шарх*) тела Сосруко не изрежет, но вот не знаю, что будет, коль жан-шарх пройдется по коленам Сосруко".

Только под'ехал Сосруко к Харама-холму, нарты подняли крик — „Э-эй, Сосруко широколапый, отродье пастуха нартских коров. Жан-шарх к тебе мчит. Бей лбом!" Сосруко оттолкнул лбом жан-шарх — погнал его обратно на вершину.

Вторично пустили—„Бей носком ноги".

Ударил. Пуще прежнего погнал вверх.

Третий раз толкнули с криком—„Если ты силен, коленом толкай".

Рассержен Сосруко. Коленом толкнул жан-шарх, а жан-шарх ему оба колена и перерезал.

Быстро вскочил Сосруко на Тхожея, но загодя много камней было навалено на пути.

Остановился Тхожей. Нарты догнали его...

* * *

Сосруко упал, нарты сбежались к месту, где лежал бессильный Сосруко.

— Кто крови геройской отпить желает, кто мяса геройского попробовать хочет?

Такой клич кинули нарты всем зверям и птицам хищным.

Волк ответил — „Крови геройской не выпью, мяса героя не с'ем. Когда Сосруко жил, он никогда не ел добытого на охоте мяса — все отдавал беднякам или птицам". Сосруко, услышав это, сказал: „Делю свою силу на семь частей и седьмую долю даю волку".

Вот отчего теперь у волка такое смелое серце. Если бы Сосруко сказал—„всю силу волку даю", никто бы никогда не мог одолеть волка.

„Не дадим Сосруко умерет на этом свете" — сказали нарты и живым закопали Сосруко.

Но он и под землею живет.

Когда наступает весна, Сосруко из глубины говорит:

— „Там где небо синеет,
Где земля зеленеет,
Семь дней походить
Я свободно хочу.
Жить хочу —
Чтобы врагам отомстить,
Им вырвать ненавистные глаза".

И идет разговор, что каждой весной слышится этот стон Сосруко.

(„Сев.-Кавк. большевик").

*) Стальное колесо с острыми зубьями.

Созрыко в загробном мире*)

И вот он спустился, нарт смуглый, отважный,
В подземное царство ни ночью, ни днем,
А ранним рассветом,—меж мраком и светом,
По горным семи ступеням широким
Верхом на коне, на Дурдуре своем!
К воротам подземного мира под'ехал...
Стучится... В них смуглый—Аминон-привратник
Загробного царства ему отвечает:
„Напрасно стучишься в подземное царство,
Не в очередь ходишь ты, смуглый, свою!
Загробного мира закон непреложен:
Еще не настал он для смуглого—час.
Никто к нам из мира живого в загробный
Еще не являлся без зова ни раз!"
—Так я же явился!... Ответил он—смуглый,
Ворота разбил он тяжелым мечем!
Чрез мрачное царство, меж всяких видений,
Он к предкам родным под'ехал верхом.
Слезает с коня он и так говорит им:
—Видений загробных не понял я здесь!
Вам рухсаг*) за гробом, отважные предки!
В полумраке вашем, вне света дневного,—
Дорогой не мало я видел чудес!
Я видел, родные,—лежали супруги
На коже широкой и длинной одной,
Прикрыть же не могут себя, мой предки,
Такою же кожей огромной, другой?
И так об'яснили отважному предки:
„Несчастные это супруги. Бывало
Дни жизни своей коротали они
На светлой земле без ласк и любви.
Дрались и бранились немало они"...
И снова спросил нарт смуглый, отважный:
Я видел, родные, как в вашей стране
На шкурке от зайца лежали другие!
Одна половинка была лишь под ними,
Другой же накрылись супруги вполне?
И так об'яснили отважному предки:
„То, смуглый, счастливцы - супруги! Они
На свете на белом так дружно прожили,
Что даже растаться и день не могли!"
И снова спросил он,—нарт смуглый:
— Дорогой,
Лишь только видения те миновал,

*) Осетинский вариант—перевод и литературная обработка Ал. Кубалова („Прол. Осетии").

*) Рухсаг—пожелание царства небесного.

Я чудо увидел, предки родные,—
На склоне зеленых разорванных скал
Я видел иглою и ниткой суровой
Разрывы огромные горные шьет
Одна молодая женщина. Бедная
На миг передышки себе не дает?...
И так об'яснили с улыбкою предки:
—„Отважного мужа женою была!
Любовника тайно она держала,
Когда между вами на свете жила!
Там мужу небрежно и грубо чинила
И шила черкесску, бешмет и белье,
Любовнику-ж мелко и с радостью шила
Белье и бешмет и чувяки его!"
И снова спросил он, нарт смуглый:
— Я видел,
Как жернов кружился на женской груди,
Но только не хлеб он молол, не зерно,
А черного камня кусочки одни?...
И так об'яснили отважному предки:
„Там часто на свете, на белом, муку
Чужую на мельнице крала старушка
И кару за гробом несет она ту!"
И снова спросил он, нарт смуглый,
отважный:
—Лишь только старуху я ту миновал
Как чудо увидел я, предки родные,
У самой подошвы неведомых скал:
—Я видел, как доит старушка корову!
Надоит старушка громаду—ведро,
А сыру с того молока получает
С просяное малое только зерно!
—А рядом другая из ложки столовой,
И даже не полной совсем, молока
Круг сыра получит громадный, размером
Не меньше, чем ваша вот эта гора?
И так об'яснили отважному предки:
„Она бесподобною скрягой была,
Старушка, которую видел ты раньше,—
Когда еще в мире надземном жила
До сотни имела коров она дойных!
Когда просили кусочек у ней,
Хоть масла, хоть сыра голодные
в праздник...
Она запиралась в кладовке своей...
Вторая старушка имела корову,
Имелась у бедной лишь только одна.
Но если просили немножечко сыру,—
Голодные люди и в будни и в праздник—
Весь сыр отдавала голодным она".
И снова спросил он—нарт смуглый,
отважный:
—Я видел—сидели супруги, пред ними
Стол пивом и явствами полон стоял,
Когда же кончили трапезу супруги,—
Стол новые явства сейчас же рождал...?
И так об'яснили отважному предки:
„То щедрые были супруги,—они,
Когда еще жили на свете на белом,
Без гостя и кушать и жить не могли"!

И снова спросил он, нарт смуглый,
отважный:—
—На гору крутую дорога ведет!
Я видел в сем царстве загробном
и мрачном,
Как старец плюгавый, согбенный годами,
В огромной плетушке лишь камни несет?
И так об'яснили отважному предки:
„На свете на белом старик нарушал
Межи и границы земельных участков,
На них перекладывал знаки из камня,
И этим у бедных часть пахоты крал".
И снова спросил нарт смуглый, отважный:
—Я видел—на маленький остров мосточек
Ведет шириною не шире ножа,
И там же, на маленьком острове этом,
В скорлупе яичной седого увидел
Я, предки родные мои, старика?
И так об'яснили с улыбкою предки:
„Был замкнут сей старец несчастный в себе,
По будням и даже по праздникам чистым
Не знался с гостями, не ведал и друга,
Когда еще жил он на светлой земле".
И снова спросил он, нарт смуглый:
Доро́гой
—Я видел поляну, и, предки родные,
По пояс там свежая зелень растет.
Но вкусную, свежую зелень оставив,
Бык бороду старца седого жует?
И так об'яснили отважному предки:
„Как грешен, сей старец... Когда он пахал
В союзе с другими,—быкам своим зелень
Чужим же солому сухую давал".
И снова спросил он, нарт смуглый,
отважный:
—Что значит, скажите вы, предки родные,
—Старцев я видел ледяных... Одна
Там бреет бород их одни половины
Не бритва стальная, а бритва из льда?

И так об'яснили с улыбкою предки:
„Неправые судьи народа! Всегда
Они из-за взяток, иль просто знакомства,
Имущим судили все выгоды спора
И только теснили они бедняка".

И снова спросил он, нарт смуглый,
отважный:
— Что значит, скажите вы, предки
родные,
Что сука лежала спокойно у врат,
Из чрева же суки залаяло сразу
Не меньше двенадцати разных щенят?

И так об'яснили с улыбкою предки:
—Значит, нарт смуглый, время настанет,
Когда на ныхасах*) начнут говорить

*) Ныхас—место собрания старейших.

И громче и больше преклонного старца
Подростки младые и даже бранить".

И снова спросил он, нарт смуглый, отважный:
—Еще мне скажите вы, предки мои!
На фынге*) пред вами — собака и кошка,
Отваренны также, как пища другая!
Зачем же, скажите, на фынге они?

*) Фынг—треножный горский столик.

И так об'яснили отважному предки:
„Нам нечисть такую заклала жена
Урызмага старца—старушка Сатана.
И так рассуждала, конечно, она:

„Как будет за гробом, вне света дневного,
Нарт смуглый, отважный, не станет он врать,
Увидит на фынге покойников наших
Он эту собаку и кошку и скажет
О них, как вернется обратно он, нарт"...

Собрание нартов

(осетинский вариант)

Собрались нарты поговорить о судьбе своего народа.

— Нарты тогда были нартами, когда каждый из них умел владеть собой. Тогда и небо боялось греметь над ними. Нарты тогда были нартами, когда с их губ слетала только правда.

— Наш народ тогда был народом, когда голова любого нарта была равна любой голове любого народа, когда за голову нарта умели умерать с честью. Тогда косяки дверей делали высокими, чтобы входя-выходя не нагибали бы нарты голов, не то Богу могло показаться, что они молятся. Недостойное занятие для нарта молитва.*)

Так сказал один из старших.

Заговорил другой:

— Тогда народы завидовали нартам. Хорошая молва летела далеко. Тогда каждый нарт умел не отягощать свой живот, а когда пили ронг—знали меру.**) Никто не был падок на еду и питье. А пили — совести не теряли, ума и храбрости не ломали. И старый и молодой, и женщина и мужчина—пили не все, как теперь.

Третий старший закончил:

— Народ наш был тогда народом, когда младший знал старшего, а жизнь направляли мудрейшие. Из за женщин тогда непачкал свое имя каждый.

Вынесли нартовские старейшины три славных сокровища. Взял Урузмаг одно из них и обратился к нартам:

— Это сокровище нартовские старейшины передадут тому из молодежи, кто окажется самым храбрым. Трудно отыскать среди нас отважного. Даже прося Бога тремя пирогами.

На погибельное место стали нарты: кража, обман, лживое слово, низкопоклонство всюду и везде. Не услышишь в нашей стране ничего, чтобы могло просветлить сердце. Только плачь вдовиц, сирот и бедняков слышен с одного конца нашей страны до другого. Воры и насильники не дают им житья. Негодные люди мешают нам легко дышать, они поджигают нашу жизнь.

Кто сможет открыто упрекнуть их? Такие люди у нас редки, кого об'единит одно решение? Кто встанет против всего пакостного? Кто искоренит его? Таких людей нет среди нартов.

А негодяи преступают клятвы. Они пашут на ишаках. Они, издеваясь, народную кровь пьют кружкой.

У кого хватит смелости взять это сокровище?

Поднялся нарт Хамыц:

— Я беру это сокровище.

Как? Ты? Ты своей тени боишься! До старости ты не разу не взглянул прямо в лицо человека.

— Правду сказали, лучшие из нартов: во мне нет ничего, чем бы я мог похвалиться. Но, простите меня за нескромность, сын мой Батраз... храбрей и отважей его среди нас не найдется. Он сам плохого не сделает и другому не позволит.

Урузмаг взял второе сокровище:

— Этим сокровищем старейшины почтут того, у кого самый воздержанный желудок, кто любую ношу везде до кон-

*) В этом тенденциозном подчеркивании „безбожия" нартов видна рука советской пропаганды. В оригинале сказания отмечается гордость нартов, а не их „безбожие". Там совсем не говорится о том, что молитва для нартов „недостойное занятие", но головы они не хотят преклонять не потому, что „могло показаться, что они молятся", а потому, что они никому—даже, молясь, Богу—не привыкли кланяться.

**) Ронг—богатырский напиток; ср. с „сана" в кабардинском варианте.

ца несет с честью. И опять поднялся Хамыц:

— Это сокровище тоже мое.

— Это, Хамыц, никому не может понравиться. Кто не знает о твоем обжорстве? Ты можешь целую неделю сидеть за столом и никогда не скажешь: довольно.

— Ручаюсь головой сына, беру это сокровище. Воздержанней его вы не найдете.

— Третьего сокровища достоин тот,— сказал Урузмаг,—кто более чуток к женщине, кто больше других может простить своей жене.

— Никого не допущу взять это сокровище! еще раз сказал Хамыц.

— Всем людям, Хамыц, был на удивление твой зуд. Через дырья в плетнях ты прокрадываешься к чужим женам, а свою жену—дочь небесных жителей—ты держишь в кармане. Как хватило у тебя совести заявить это?

Ваши упреки уместны. Но знайте, собачьи нарты: среди нас нет более чуткого к женщине, чем сын мой Батраз.

Старейшины решили испытать сына Хамыца—Батраза.

Когда Батраз возвращался из дальней поездки, сто всадников устроили ему засаду. Батраз повернул назад и так раскачал свою лошадь, будто очень испугался. Всадники вытянулись за ним вереницей. Батраз внезапно повернулся к ним лицом. И справился с ними, как с одним. Многие из них уже не нашли своего дома. А у тех, что спаслись, кровь и сукровица перепачкали все тело.

Устроили старейшины кувд.*) Батраза посадили так, что ни к одному столу подойти ему было нельзя. Целую неделю Батраз не брал в рот ни одного куска. Но пел веселей других. И красивей других была его пляска.

Как то Батраз отлучился из дома. К его жене подослали пастуха. Вернувшись и увидев в своей комнате пастуха, Батраз вышел во двор, постелил бурку, положил под голову седло и крепко, не пошевелив ногой, проспал до рассвета.

Старейшины убедились в достоинствах Батраза.

— Достойней Батраза среди нартовской молодежи нет. Спорить не о чем. Все-таки мы дела до конца не доведем, если не узнаем, как взросли в Батразе его лучшие качества.

*) Кувд—дословно, моление; так называется и ритуальное жертвоприношение; в данном случае—пир.

Батраз сказал старейшинам:

— Удивитесь вы, наилучшие из нартов. Находчивости и храбрости я научился у своей охотничьей собаки. Возвращался я с охоты через одно селение. Много собак окружило мою собаку. Я подумал: порвут ее. Вдруг вижу: она, не мешкая, бросилась вперед, а когда преследовавшие ее раз‘единились, она повернула и сильно потрепала их.

Тогда же я понял: хочешь победить врагов, рассей их, разбей на части; они перестанут понимать друг друга и погубить их будет нетрудно.

— А что ты скажешь о своем воздержании?

— Убили мы на охоте зверя, развели костер и на славу покушали жареной дичи. Старшие захотели пить. Пошли мы искать воду. По дороге один из нас толкнул ногой что-то похожее на сумку. Взяли ее с собой. Нашли чистую воду, капающую из скалы. К течи подставили сумку. Держали-держали, сумка все растягивалась и никак не могла наполниться.

Долго жившие и много понимающие старшие, напившись воды, рассказали нам, что сумка—человеческий желудок. Никто в мире еще не видел, чтобы он наполнился.

С той поры я никогда не отягощал своего желудка. Много ешь, много болеешь. Я делил свой хлеб на четыре части; три с'едал, а одну оставлял. Сила моя не уменьшалась, а работа не делалась тяжелей. Скоро я стал довольствоваться половиной хлеба.

— А что ты скажешь о тех правилах, каких ты держишься в обращении с женщинами?

Мы, нартовская молодежь, задумали сделать набег. Собралось нас 39 всадников. Попали мы на равнину. Была она, как кожа, растянутая на земле: ни дерева, ни воды. Не добыли мы ничего. В жару, без питья и еды, устали и мы и наши лошади. Вечером мы заметили огонь. Поехали на него, добрались до селения. Стали искать, кто бы нас принял. Из одной землянки вышла женщина и девушка. Мужчин дома не было.

— Мы можем принять вас. Всякий гость — божий гость, — сказала женщина.

Посмотрели мы друг на друга: неудобно ночевать там, где одни женщины. Но делать нечего; слезли с лошадей, поручили их младшему.

Приготовили нам хороший ужин. Постели сделали в двух комнатах: в одной для двадцати в другой для девятнадцати

человек. Потом мать с дочерью заговорили на чужом языке. Я понимал его. Мать уговаривала дочь:

— Послушай. Дни мои сочтены, смерть не так уж далека. Я уже ничего не испытаю. А ты еще поживешь и узнаешь много хорошего.

Сделаем так: двадцати всадникам я окажу гостеприимство, а о девятнадцати ты позаботься.

— О, мать! смерть не разбирает возраста: старая лошадь с'едает много зерна на коже жеребенка. Я прожила немного и ничего еще не узнала. Кто скажет—узнаю ли. А ты жила долго и многое получила. Мать, пусть двадцати я скажу: приветствую вас.

Понял я, что женщина живет трудно и неудовлетворенно. Доля женщины — бедная доля. Вот почему женщина бывает иногда невольная над собой.

Там же я сказал себе: какая бы женщина ни приняла мое имя, я никогда ее не обману и никогда не упрекну, если она сама ошибется.

Старейшины поблагодарили Хамыца за такого достойного сына, как Батраз.

Со слов **Цоцко Амбалова**

записал и обработал **Михаил Слободской**

(„Прол. Осетии").

А. Кундух

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЧЕНЦЕВ*)

Достойно удивления, что современная наука, могущая, почти с точностью, определить сущность и природу давно уже мертвых народов и языков: сумеров, акадов, хеттов и др., стоит с безпомощно опущенными руками перед таким живым, здоровым организмом, каким, в наши дни, представляется нам чеченский народ со всеми его данными.

Из глубоких недр древних пластов земной коры Блуменбахи и Кювье извлекали кусочки костей, определяя по ним вид или расу некогда живших существ. Их современные последователи, европейские ученые, также упорно стараются представить нам все прошлое какого-нибудь „пекинского" человека, но живой чеченский народ все еще остается загадкой. Мало того, „изыскания" представителей русской администрации и науки — втиснутой в безжалостные рамки русских стремлений к „теплым берегам Средиземноморья"—в лице Дубровиных, Бутковых и их нынешних преемников, успели уже окутать чеченский (да и др. горцев) вопрос такой непроницаемой пеленой сказочных фантазий, что, мало посвященному в закулисные тонкости основных мероприятий такой политики, горцу ничего не остается, как только, махнув рукой на все прошлое горских народов, раствориться в жестокой действительности русского империалистического „бытия".

Однако, есть основание надеяться, что современем, когда горцы сами займутся выяснением своего прошлого, им удастся восстановить историю прошлого горских народов во всей ее чистоте, ибо иметь дело с живым организмом все же легче, чем с частями скелета той саламандры, которую некий исследователь принял было за ископаемые остатки первобытного человека.

Но „промедление времени — смерти подобно" и поэтому позволим себе сделать краткий обзор чеченского вопроса по данным научной литературы прошлого века, добавив к тому и новейшие достижения в этой области (отрывочные сведение из литературы о Кавказе), что даст нам возможность вывести соответствующее заключение. Для большей наглядности приведем выдержки, в которых в сокращенном виде представлено почти все известное о чеченцах:

1. „Большая энциклопедия"

„Чеченцы — русское название. Грузины зовут их кисти, у лезгинов мизджеги, сами же себя называют нахчой... К ним относятся и ингушские племена... Центром бывшей самостоятельной Чечни было сел. Большой Чечен на р. Аргуни... Мужчины стройны, высокого роста и хорошо сложены; женщины большею частью привлекательного типа... По антропологическим признакам должны считаться смешанного типа, но отличаются с и л ь н ы м д о л и х о ц е ф а л и з м о м (разбивка наша А. К.)... Во время независимости не имели сословного устройства, управлялись народными собраниями отдельных общин, члены которых все были равны, имея только право на военнопленных рабов и подчиняясь только старшине на основе родового быта.. Положение семейных женщин лучше, чем у черкесов, так как на них лежат только домашние хозяйственные работы и приготовление одежды. Как и у других кавказских горцев, в религиозных обрядах много примесей христианства и древнего язычества и, между прочим, фалического культа. Язык чеченцев, граматически обработанный Шифнером (1864 г.), совершенно оригинального построения и не имеет родственных отношений к другим кавкасским языкам. (Источники: Ад. Берже „Чечня и чеченцы" 1859, Тифлис, и Chantre „Recherches antropologique dans le Caucase", 1885, Paris).

Ингуши. Сами себя называют „ламур". Ингуши от Ангушт или Ингушт-аула. Ингуши принадлежат к очень высокорослым народам. Зрение вдвое больше нормального, обоняние тонко. Брахицефалы, хотя есть и мезоцефалы. Предположение Пантюхова, что предки ингушей были халдеи или айсоры, пришедшие на Кавказ под предводительством Киста, и таты — выходцы из Персии, — Ивановский (антрополог) и Хаханов (этнограф) считают ни на чем не основанным"...

2. „Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона"

„Чеченцы (антропологическое описание). Чеченцы высокого роста и хорошо сложены. Женщины отличаются красотою. В антропологичес-

*) Настоящая статья печатается в дискуссионном порядке — редакция.

ком отношении чеченцы представляют тип смешанный. Цвет глаз варьирует (в равной пропорции) от черного до более или менее темно-карого и от голубого до более или менее светло-зеленого. В цвете волос тоже замечаются переходы от черного к более или менее темно-русому. Нос часто вздернутый или вогнутый. Лицевой указатель 76·72 (ингуши) и 75·25 (чеченцы). В сравнении с другими кавказскими народностями чеченская группа отличается наибольшей долихоцефалией (длинноголовостью — факт заслуживающий особого внимания! А. К.). У собственно чеченцев, однако, встречается не только много суббрахицефалов, но и не мало чистых брахицефалов с головным указателем от 84 и даже до 87·62.

Чеченцы считаются людьми веселыми („французы Кавказа"), впечатлительными, хотя бывают и суровы и подозрительны, вероятно вследствие вековой борьбы. Неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в борьбе — черты чеченцев, давно признанные всеми, даже их врагами. Скотоводство, пчеловодство и хлебопашество — их занятие. На женщинах, положение которых лучше, чем у лезгин, лежат все хозяйственные заботы: они ткут сукна, приготовляют ковры, войлоки, бурки, шьют платье и обувь.

Во время своей независимости чеченцы, в противоположность черкесам, не знали феодального устройства и сословных подразделений. В их самостоятельных общинах, управлявшихся народными собраниями, все были абсолютно равны... Этой социальной организацией (отсутствие аристократии) и об'ясняется та беспримерная стойкость Чечни, в долголетней борьбе с русскими, которая прославила их геройскую гибель (?—А. К.).. В конце XII или в начале XIII в стало среди чеченцев распространяться христианство, но в начале XVIII в. приняли ислам по сунитскому толку. Хотя и до сих пор сохранили некоторые христианские и языческие черты в религиозных обычаях, примешав их к магометанизму". (Источники те же. Вообще же наиболее серьезные сведения о чеченцах последующими авторами извлекались, главным образом, из трудов Клапрота, Услара, Шифнера и указанных выше Берже и др.).

3. Евг. Максимов. „Чеченцы". 1893 г. „Терский Сборник".

„Чеченцы самая многочисленная народность Сев. Кавказа. Местом древних поселений в нынешней Чечне, была по всей вероятности, горная часть, как наиболее пригодная для защиты и обороны. Во всяком случае, остатки некоторых построек, сохранившихся до сих пор, указывают на относительно высокую культуру народов, воздвигнувших их. Огромные башни, достигающие 5 этажей, каменные склепы и др. сооружения, встречающиеся здесь, сложены из тесанного камня на известковом цементе и имеют правильно выведенные арки и карнизы, украшенные иногда разнообразными арабесками. Создать их могли только народы несравненно более культурные, чем чеченцы. По преданию последних, строил их неизвестный народ „мида". Галгаевские же ингуши сохранили сказание, что башни были воздвигнуты „джелтами", т.е. греками, а склепы древнейшими обитателями края „тиндами"...

Теперь является вопрос о том, кто были чеченцы, когда и откуда появились они в пределах Сев. Кавказа?

На основании филологических разысканий барона Услара, обнаружившего сходство чеченского языка с лезгинскими, чеченское племя причисляют к восточно-горской группе средиземных или собственно-кавказских народов.

Точных исторических указаний о происхождении чеченцев нет..

4. А. П. Берже. „Чечня и чеченцы". Тифлис, 1859. (Автор был правителем дел Кавк. Отдела Росс. Геогр. Общества).

К сказанному выше можно добавить мнение автора, что обычаи чеченцев мало разнятся от обычаев других горских племен. Чеченцы умерены в пище и способны переносить все лишение. Дальше он добавляет:

„Чеченцы, обитающие на долине, живут большими аулами; дома у них турлучные, внутри чисто, опрятно и светло. В каждом доме есть особое отделение для гостей — кунацкая, которая всегда содержится в чистоте.

Вообще чеченец склонен к праздности. Женщины, напротив того, трудолюбивы: на них лежат все хозяйственные заботы... Общественный быт чеченцев отличается в своем устройстве патриархальностью и простотою... У чеченцев нет сословных подразделений. Шамиль заменил казни, определенные Шариатом, денежным налогом. Это более совпадало с духом народа привыкшего к Адату".

Приведенными выдержками можно ограничить данные о чеченцах в научной литературе до Великой войны. Пополнение данных материалами других источников довоенного (от начала XIX в.) времени не внесло бы изменения в состояние вопроса. Остается перейти к литературе „новой" — повоенной, но, к сожалению, наша оторванность от родины не дает возможности располагать сведениям о точном состоянии вопроса о горских народах там, на местах, и хотя и необходимо считаться с наличием горских научно-исследовательских институтов, но, в условиях советской „опеки" над ними, особенных результатов дать они не могут. Однако, приводимые ниже два источника могут представить нам приблизительное состояние научных данных о прошлом горских народов и в освещении новейшего времени.

1. В. П. Полежаев. „Горцы Северного Кавказа". Москва, 1926 г.

„...Все эти горы и ущелья с незапамятных времен являются местом поселения множества племен и народностей..

Некоторые из этих племен, например, осетины, живут так давно в горах, что времени их основания на этих местах не хранят ни живая память стариков, ни седые предания, ни песни народные. После них расселились на своих местах ингуши, чеченцы, кабардинцы—черкесы. Позднее всех горцев пришли на Кавказ татарские племена... всего каких нибудь 400—500 и больше лет тому назад... Ингушей 60 тысяч. Наиболее близкими и родственным им племенем считаются чеченцы, живущие на восток от них, с которыми они составляют один народ „нохчий", что значит собственно—народ. Современная наука (очевидно, яфетическая теория — А. К.) полагает, что названный народ „нохчий", равно как и черкесы, — одного корня с грузинами, но уже в глубокую древность оторвался от своих единоплеменников и... сформировался в самостоятельное племя.

...Одни (ингуши. А. К.) выводятся от сирийского выходца—богатыря Галгая, другие (corин-

цы) от знатного грека, третьи от кумыкского князя (и т. д.)...

На восток от ингушей... живет другое, более многочисленное, чеченское племя, собственно чеченцы. Такое название это племя получило от старинного, ныне не существующего аула Чечен... Также, как и ингуши, чеченцы зовут себя „нохчий", что значит „народ", но охотнее называют себя именем тех аулов, в которых живут (ауховцы, шатоевцы и т. д.).

По чеченскому преданию от 12 сыновей богатыря Нохче, жившего около Веденя, образовалось 12 общин: Ичкери, Аух, Чабирли, Шубух, Шато, Дзумсо, Кисти, Цори, Галаш, Галгай, Джерах, Ангушт. От них образовался народ Нохчи.

По другому преданию: от выходца из Нахичевани, Сеид—Али—Шами, выходца из Шама (Сирия)... О пришельцах долго никто из соседей не знал и нохчии, никем не тревожимые, счастливо и безмятежно жили на новых местах, занимаясь земледелием, а главным образом, скотоводством. Таково второе сказание о происхождении чеченского народа. Сказочного или неправдоподобного здесь нет ничего"..

„Правдоподобности" указанного рода конечно никогда не раз'яснят истины о прошлом горцев. Досужая фантазия русских авторов (Е. Полежаев является, если не ошибаемся, профессором высшего учебного заведения на Сев. Кавказе), при таком подходе к вопросу, достигает лишь того, что национальный облик горских народов все более и более погружается во мраке не осознания своего родного „Я".

Более ясно иллюстрирует нынешнее состояние вопроса на родине, труд другого автора, выдержки из коего приводим ниже, хотя и здесь не достигнуто заметных результатов по существу вопроса о происхождении чеченцев (и ингушей):

2. **А. Н. Генко. „Из культурного прошлого ингушей".** Записки Коллегии востоковедов. Том V.

„По языковому признаку ингуши входят в состав чеченской группы наречий, занимающих промежуточное положение между восточной группой горских языков, с которой они связаны интимными узами, и более далекой западной (черкесы, абхазы). Не совсем точно утверждение первого исследователя чеченского языка, П. К. Услара, писавшего о чеченцах (влючая ингушей): „уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием"...*)

Шатоевцы неохотно зовут себя нахчоями (чеченцами в смысле Услара), что происходит от прежних враждебных отношений к чеченцам..

В верховьях Гехи расположено урочище N æ š æ x, легендарная колыбель чеченского народа. Самое национальное название чеченцев (n æx č u o „чеченец") естественнее всего производить отсюда (n æ šæx — n æ x č u o). Лишены всякого научного значения такие народные этимологии, как приводимые Лаудаевым (Сборник свед. о кавказ. горцах вып. VI (1872 г.) ст. Чеченское племя.) — он производит чеченское n o x č u o j от слова n e x č i „сыр" в смысле „люди, изобилующие сыром"—и другими авторами. Ив. Попов, в „Сборнике свед. о Терской области" вып. I, пишет: „Придерживаясь строгого исследования, можно заметить, что *наша овский* (курсив наш. А. К) язык совершенно сходен с языком галгаевцев, который имеет небольшую разницу с наречием шатоевцев, чеченцев и ичкеринцев". Сведение относится к 1874 г., современной картине наречий оно не соответствует. Аккинское общ. (в верховьях западных притоков Гехи) ныне относится уже к чеченцам. „Акты Кавк. Археограф. ком." т. II. Тифлис 1868 г. — здесь ингуши называются осетинским племенем.

Свое национальное ныне название g h a l- g h æ j сами ингуши склонны в настоящее время производить от слова g h a l æ, жилая башня в горах, в отличие от v h o v, „башни военного значения", исходя из известного факта прежней распространенности среди ингушей строительного искусства. (Но автор приводит еще сравнение с 1) араб. q a l l ä'— крепость, замок—q ä l l—село, аул—в горах Ингушетии. 2) Осетинское q a l l æ „крепость" и т. д.)...

Эрзий (ä r z i j) значит по ингушски "орел", а m a q q æ l, по об'яснениям некоторых ингушей, „название птицы, вроде орла".

В чеченском (c h u o q h) e r z æ v (по Услару) „орел", m aq q æ l—„коршун"...

„Цовские и Пирикительские тушины суть кистинского происхождении".*) Он (указанный в примеч. автор) говорит: „Почти половина жителей Пирикительского общества, именно Парслинский приход, говорит чистым кистинским языком, который, хотя и груб, но не так гортанный, как цовский язык."...

Начиная с I в. (они появились у Дарьяла в 35 г. н. эры) на протяжении ряда веков, мы должны считать культурные влияния, шедшие отсюда (со стороны Дарьяла), основным источником, питавшим горцев-ингушей, стоявших в тесной зависимости от обладателей равнины (алан А. К.). Свое господствующее положение аланы утратили в этом районе лишь в бурную эпоху первых монгольских походов на Северном Кавказе в первой половине XIII в. Яркое описание событий 1222 г., когда „напали на алан татары (монголы) и убили их множество и ограбили и взяли в плен" (арабский историк Ибн-ал-Аспр), дает возможность оценить катастрофичность монгольских походов для народов Сев. Кавказа и их решающее значение в полной перетасовке разноплеменных этнических масс этого района: современное распределение народов на Сев. Кавказе восходит к этому времени...

Рассмотрим теперь ингушский словарь с точки зрения присутствия в нем следов аланско-ингушских культурных взаимоотношений. Этимологические сопоставления, предлагаемые в дальнейшем изложении, не ставят, конечно, целью обоснованное подробным лингвистическим анализом изучение ингушского языка, а имеют ввиду предварительную суммарную задачу—ориентироваться в массе материала, никак почти не вовлеченнаго пока в научный обиход ..

Памятником тесных культурных взаимоотношений алан (осетин) и ингушей служат многочисленные слова, общие осетинскому и ингушскому языку. В подавляющей массе случаев заимствующими были ингуши, что вытекало, естественно, из общей обстановки, в какой шло здесь культурное развитие... (приводится словарный материал)...

Термины, применяемые, по самому понятию своему лишь в обстановке равнины, равно как и

*) П. К. Услар. „Чеченский язык". Изд. 1888 г.

*) И. Елиосидзе. „Записки о Тушетии". Рукопись 1847 г., хранящаяся в Азиатском музее.

ряд выражений, связанных с земледелием, оказываются во многих случаях общими для обоих языков (следует сравнение словарного материала)...

В области так называемой материальной культуры количество общих ингушскому и осетинскому языкам слов громадно, что имеет свою аналогию в материалах археологических (подчеркнуто нами — А. К.). Характеризуя вкратце внешнюю сторону быта ингушей, насколько она раз'яснена из до сих пор ставшего известным материала, новейший исследователь археологии Ингушии заключает: „Приведенный материал, при всей отрывочности и противоречивости, ярко свидетельствует о давности и глубине культурного и экономического общения Ингушии и Осетии. Данные языка вполне согласуются с приведенной характеристикой. Сюда относятся: (приводится слов. материал).. (Дальше говорится опять о нохчуй, ношхой, нохшех..., как племенном названии чеченцев... Нохчуй или нохшой = „к'отел, или очаг" откуда питались „их первые родоначальники". (Подчеркнуто нами. А. К.) ..

Легендарная колыбель чеченского народа Næšæx (см. выше).. (Приводится словарный материал)...

Мы принципиально не входим здесь в лингвистическую оценку как сложных фонетических и смысловых подробностей предлагаемых сопоставлений, так и зависящей от них степени вероятности и доказательности некоторых из сближений, довольствуясь пока утверждением очевидной тесной разнообразной связи ингушского и осетинского словарей...

Вышеприведенные примеры—яркое свидетельство длительного, всестороннего общения ингушского и осетинского народов...

(Дальше опять приводится обширный материал)...

Во многих из перечисленных выше случаях сосуществования сходных слов в ингушском и осетинском языках, мы побуждаемся к постановке вопроса: кто от кого заимствовал? Задачей будущих исследователей послужит исчерпывающе ответить на это. Мы можем ограничиться несколькими примерами, показывающими, что не только осетины были дающими (что несомненно для большей части существующего материала), но что случалось, вероятно, и наоборот (далее опять приводится материал, но автор ошибается, ибо приводимые им слова, как „заимствованные осетинами от ингушей", часто арийского происхождения. А. К.)".

Приводя материал из области мифологии, религии и т. д., автор добавляет:

„Понятие „права" также оказывается общим обоим языкам—осетинскому и ингушскому... (приводится материал). Список аналогичных слов весьма велик (приводится материал.)...

В нашу задачу не входит, как сказано, исчерпывающее сравнение этих языков; приведенных примеров, думается, достаточно для доказательства того положения, что ингушский язык сохраняет в себе обильные следы длительного общения со своими соседями с запада, поддерживая в этом вполне наблюдения этнографии и археологии"...

Конечно, как в транскрипции, так и толковании значения некоторых слов автору не удалось избежать некоторых ошибок, но тем не менее приводимый им материал весьма интересен. Повторение всего словарного материала, собранного автором в его труде, увеличило бы настоящую статью во много раз и поэтому ограничиваемся лишь помещенными выше выдержками, смысл коих говорит о многом и сам по себе весьма значущий. В дальнейшем автор приводит материал и из сферы влияния грузинского и кумыкского языков на язык ингушей (чеченцев), но это явление носит уже характер второстепенного воздействия.

* * *

Сущность каждого народа определяется, обыкновенно, данными антропологическими, лингвистическими, археологическими, историческо-географическими, этнографическими и, наконец, палеонтологическими (в некоторых случаях). Редко можно встретить на земном шаре народ, прошлое (и связанное с ним настоящее) которого выяснялось бы с достаточной точностью всеми вышеуказанными факторами. Наоборот, весьма часто данные лингвистические не согласуются с антропологическими, этнографическими и т. д., но иногда вся эта несогласованность происходит не из-за отсутствия или противоречивости существующих данных, а вследствии недостаточного знакомства науки с ними. Так обстоит и с чеченским вопросом, располагающим богатыми данными, но замаскированными сетью ошибочных догадок, предположений и фантастических толкований. Ниже мы ознакомимся с сущностью вопроса о чеченцах, разбирая и освещая его отдельно по каждому пункту:

1. Антропология.

Как известно, краниологией установлено три главных типа черепа, определяющих расовую принадлежность различных масс человечества: долихоцефалия (длинноголовие, с головным указателем—берем в крупных цыфрах—до 75), мезоцефалия (средне- или, точнее, круглоголовие, с указат. от 75 до 80) и брахицефалия (с указат. свыше 80). При этом считаются еще и с указателями иных частей головы (высота черепа, его емкость, расположение зубов—(косо-выступающее, или прямо-вертикальное,—цвет волос, глаз, кожи тела, индекс лица, носа и т.д.). Но как выяснила наука, эти специфизмы могут сохранять постоянство при том лишь условии, если не происходит смешение указанных форм между собою, в противном случае формы меняются, стремясь к некоему среднему типу, подобно тому, как из смеси двух различных цветов получаются (если, конечно, не происходит при этом химическая реакция) третий, сохраняющий в себе следы обоих основных цветов, но уже представляющий собою новый цвет, средний между двумя первыми. Таким образом, тип мезоцефальный (средне- или круглоголовый) фактически является продуктом смешения двух основных (расовых в точном значении) типов, долихоцефального и брахицефального.

Также представляется нам и тип суббрахицефальный, могущий образоваться: от смешения значительного числа брахицефалов с незначительным числом долихоцефалов (если только, конечно, процесс смешения продолжается достаточно долго), или же, в ином случае, от смешения мезоцефалов с брахицефалами.

Возможно также наблюдать, как некогда долихоцефальный тип путем смешения с несравнимо более значительным числом брахицефалов, переформировался в брахицевальный, хотя, быть может, и с меньшим индексом головы, чем у самой, смешавшейся с ним, основной брахицефальной массы. Реже случается и обратное явление. Конечно, подобные смешения возможны в любых пропорциях и поэтому никогда нельзя наблюдать резкого отграничения одного типа от другого и между ними всегда существует несколько переходных типов—звеньев связи. Вообще же редко

можно встретить расу или народ, сохранивший свой первичный (расово) тип в полной чистоте.

Науке известно, что благодаря неравномерному (количественно) распределению долихоцефального и брахицефального типов по всей поверхности земного шара, в постепенно происходящем процессе смешения этих масс, преобладающее положение завоевывает тип брахицефальный, точно также, как и тип темноволосых преобладает над ясноволосыми. Но наиболее идеальной формой головы признается мезоцефалия (средне-, или круглоголовие), к которому нормально привело бы смешение, в равных пропорциях, двух основных (долих. и брахиц.) типов. С мезоцефалией граничат и типы: суббрахицефальный и ближайшие к нему формы (с указателем приблизит. около 73—75) долихоцефалии.

В приведенных выше выдержках с антропологической характеристикой чеченского народа, чеченцы признаются типом „смешанным", но „отличающимся сильным долихоцефализмом", или „наибольшей среди горцев долихоцефалией", при высоком, в общем, росте, „равной пропорции" наличия темноволосия—темноглазия и ясноволосия — ясноглазия (с их вариациями). Часть чеченского народа, именно западные чеченцы (ингуши, составляющие около 12—15% чеченского народа) являются брахицефалами, при наличии и мезоцефалии (не должны отсутствовать и долихоцевалы, хотя % их, повидимому, не так значителен уже). „Привлекательный" или „отличающийся красотою" тип чеченских женщин, также служит одним из определяющих факторов их антропологической принадлежности (генетически - расовой).

Каким же образом сформировался нарисованный выше тип чеченцев и откуда же они „по крови и кости" происходят?

Помимо вышеприведенных данных известен и тот важный факт, что чеченцы являются также и о р т о г н а т а м и (прямозубыми), что для определеиия их расовой принадлежности играет не меньшую роль, чем индекс головы.

Следовательно, согласно вышеизложенному, выводить наличие долихоцефалии и мезоцефалии чеченцев от африканских негров было бы абсурдом во всех отношениях, точно также как и попытка вывести их от китайцев или еще кого либо.

Где же искать основной источник? Прежде, чем ответить, разберем окружающую чеченцев обстановку:

Горское население Сев. Кавказа со всех сторон окружено народами брахицефального типа, из коих яфетиды, пришедшие на Кавказ с юга, также, как и народы, происходящие из глубин Средней Азии, являются брахицефалами уже от своего „расового корня". С севера же горцы также соседят с брахицефалами (русские, монголо-татары и др.).

Наконец, большинство горских народов (адыгейцы-яфетиды и население Дагестана) также примыкают к указанным типам. Посреди же этого вечно движущегося моря брахицефалов находится ироно-чеченский остров, но ироны, как известно, являются „несомненными иранцами" или арийцами („индоевропейцы"), как их называет наука,—чеченцы же пока представляют загадку, хотя с легкой руку яфетидологии, как всеобщего учения об языке, они уже причислены к „яфетидам".

Предположить, что чеченцы, будучи некогда брахицефалами, восприняли долихо- и мезоцефализм путем интенсивного смешения с окружающими их народами, невозможно по той причине, что, как сказано выше, окружающая их обстановка способствует образованию не долихоцефалии, а именно брахицефалии. Следовательно, этот источник находится не в окружающей массе, а где то в ином месте, но где именно?

В вопросе о происхождении чеченской долихо- и мезоцефалии, наряду с ясноволосием и ясноглазием, существует лишь один просвет, до некоторой степени раз'ясняющий нам суть загадки: наиболее близкими к чеченцам антропологическими данными, из всех окружающих их народов, располагают ироны (осетины), непосредственные их соседи с запада. Это явствует из приводимого свидетельства исследователя, доктора Гильченко:*)

„Северные осетины в большинстве (64%) темноволосы и темноглазы; цвет кожи у них смугловатый, лоб прямой, широкий, с хорошо развитыми надбровными дугами; нос довольно большой, выдающийся, прямой; рот небольшой, с прямыми тонкими губами. Осетины суббрахицефалы, с сильной наклонностью к брахицефалии; рост в большинстве высокий; плечи и таз значительной ширины. В Дигории, в горах, довольно часто встречаются блондины (также, как и курды в горах Курдистана, где Ф. Лушан нашел значительные массы долихоцефалов – блондинов!—А. К.).

У закавкасских (южных—А. К.) осетин блондины почти не встречаются, лица менее благородные, выражение глаз не такое открытое, как у северных осетин. Вообще в их типе заметно смешение с грузинским племенем".

Как видим, и здесь мы имеем 36% светловолосых и светлоглазых а следовательно, по всей вероятности, и такой же % долихо- и мезоцефалов, что вместе с наличием значительного % суббрахицефалов создает положение, ставящее антропологическое состояние иронов в один ряд (родственный!) с чеченским типом, ибо все данные вопросы об иронах также говорят за то, что и этот народ по условиям развития (и возникновения) своего типа находился почти в одинаковой обстановке с чеченским народом, т. е. и здесь мы наблюдаем не переход брахицефального в суббрахиц., мезо- и долихоцевальный, а наоборот; согласно окружающим условиям, очевидно, что длинноголовость находится в стадии постепенного перехода не только в мезо-суббрахи-, но и ближайшие формы брахицефалии.

Упомянутый выше проф. Ф. Лушан, в своем „Народы, расы, языки" также утверждает, что среди иронов (осетин) встречается много длинноголовых и среди них имеется около 20% чистых блондинов, что с меннее ясными вариациями этого типа дает опять те же 35 — 36% ясноволосых и ясноглазых и, возможно, еще больший % долихо- и мезоцефалии, ибо влияние климата, вызывающее, в некоторой степени, потемнение волос, не так отражается на форме головы. Что в отдаленном прошлом, наряду с долихоцефалией, иронам сопутствовало ясноволосие и ясноглазие — можно было бы доказать более точными исследованиями их прошлого.

На запад от иронов, рядом с ними, живут адыгейцы (кабардинцы, черкесы, хотя и отделенные местами от иронов балкарцами и карачаевцами), несомненно так называемого яфетического корня, антропологический тип коих был брахицефальным в „арменоидальном" его виде, по всей вероятности. И ныне адыгейцы в общей своей массе представляются брахицефалами, но уже можно отметить у них наклонность (у кабардинцев в ча-

*) См. его „Материалы по антропологии Кавказа. Осетины". Также и „Энц. сл. Брокгауза и Ефр."

стности) к понижению головного указателя, часто встречая даже случаи мезо- и долихоцефалии. Очевидно, что некая длинноголовая соседняя масса уделила им известную долю своей долихоцефалии (смешение), и, конечно, взамен восприняла черты брахицефализма. Такою массою могли быть только соседние ироны, уже несколько тысячелетий живущие рядом с адыгейцами.

С юга же ироны граничили и смешивались с другими яфетидами — грузинами, такими же брахицефалами, уделяя и здесь грузинам долихоцефалические особенности, сами же ироны могли воспринимать, при этом, лишь опять таки черты типа брахицефального. Наконец, как с севера, так и северо-востока ироны встречались (последние 1 — 2 тысячелетия) с брахицефалами только (монголы, тюрко-татары и затем сильно смешавшиеся с ними русские). Также повлияло соседство иронов и на балкарцев карачаевцев, татаро-монгольский тип коих значительно изменился в смысле наклонности к арийско-иронскому до такой степени, что нередко можно встретить и среди них ясноволосых, голубоглазых долихо- и мезоцефалов.

Принимая во внимание такое сильное воздействие окружающих брахицефальных элементов на иронов, становится понятным—почему у иронов, на ряду с сохранением долихоцефального типа, возникло значительное „суббрахицефалие с сильной наклонносью к брахицефалии".

Следовательно, в прошлом ироны были долихоцефалами, ибо на образование нынешних значительных элементов этого типа из брахицефального (если бы оно в прошлом имело место) не имелось необходимых условий в окружающей их обстановке, но зато для известной степени редукции их прежнего долихоцефального типа в брахицефальный имеется все необходимое.

Но почти в таких же условиях возникли, развивались и существуют и ныне чеченцы, с тою только разницею, что, соседствуя с запада с однородными и однотипными им иронами—в основе своей генетической сущности — долихоцефалами, в то же время на них (кроме тех же, что и у иронов соседей с юга и севера) оказывало влияние и соседство с брахицефальным населением Дагестана. Несмотря на существующие ныне языковые противоречия, несмотря также и на то, что в новейшее время яфетидология провозгла сила чеченцев яфетидами, „одного корня с грузинами", не подлежит сомнению, что ироны и чеченцы представляют антропологически однородный тип, но так как ироны являются несомненными арийцами, то и чеченцы происходят из одного и того же расово-арийского очага, что и ироны. Наличие так ясно выраженных особенностей, свойственных арийской расе, вернее ее „нордическому", как называют многие, типу, у чеченцев определенно доказывает, что и они суть „несомненными арийцами" Необходимо еще подчеркнуть, что антропологически чеченцы, сохранившие более ясно выраженную долихоцефалию, в настояще время являются, по типу, более чистыми арийцами, чем даже сами ироны (осетины)!.. *)

(Окончание следует)

*) Если бы в науке случайно не восторжествовало вышеприведенное нами (устан. в 1886 г.) деление (цифровое в краниологии), а принято было бы деление Велькера (до 76,5 — долихоцефалы, от 76,6 до 82,5—мезоцефалы), то ироны и чеченцы были бы просто об'явлены смешанным, из долихо- и мезоцефалии, типом. Это еще более ярко выделило бы их основное долихоцефалическое происхождение.

Инциндент на конференции „Союза обществ друзей Лиги Наций"

„Польско-Украинский Бюллетень", выходящий в Варшаве, в номере от 30 июня помещает нижеследующее сообщение информационного агентства „Украинские Известия":

„9 июня в Брюсселе открыта была конференция Союза обществ друзей Лиги Наций. В связи с проэктом постановления относительно меньшинств, от имени украинцев выступил с речью проф. Роман Смаль-Стоцкий. Отметив, что украинская этнографическая территория в своей наибольшей части входит в состав СССР, а также, что значительные пространства, населенные миллионным украинским населением, находятся в границах Польши, Румынии и Чехо-Словакии, причем положение украинцев нигде не является удовлетворительным,—оратор заявил, что Лига Наций в настоящее время не приносит никакой пользы т. н. украинским „меньшинствам" и что в особенности разочарованы украинцы Лигой Наций с того времени, когда в ее состав был принят СССР. Это создает совершенно новую ситуацию. В Женеве заседает представитель правительства, которое привело Украину к голоду, систематически оскорбляет украинскую культуру и науку, которое без суда уничтожает украинцев, расстреливая их или высылая на Север, а недавно, после убийства Кирова, расстреляло десятки украинских коммунистов, которые эмигрировали из Галиции в СССР. Разве правительство, уничтожившее не только Украину, но и Кавказ, Карелию, Ингрию, Дон, Кубань, Туркестан, татарские земли, может быть призвано к тому, чтобы защищать в Лиге Наций права украинского меньшинства? В настоящих условиях украинцам легче непосредственно говорить с г.г. Бенешем, Беком, Титулеско, чем с Литвиновым.

И далее:

„Но несмотря на все, опираясь на иные народы, входящие в состав Лиги Наций, мы ожидаем, что в Женеве будет сохранена более совершенная и генерализированная охрана не только меньшинств, но и всех угнетенных народов СССР, и в первую очередь Украины. Это мы требуем от Лиги, отказывая одновременно Литвинову в моральном праве занимать положение арбитра в вопросе меньшинств в иных государствах в то время, когда весь украинский народ стонет под советским ярмом. Литвинов является арбитром в меньшинственном вопросе—это настоящий скандал!"

Во время перевода этой речи, произнесенной по-английски, на французский язык, министр Борель, делегат Франции, отозвался с места: „Скандал заключается в том, что вы, пребывающие в

эмиграции, говорите о Советской Украине. Вы не имеете на это права. Кроме этого, здесь обсуждаются вопросы меньшинств. Что общего имеет с ними Советская Украина, которая меньшинством не является?"

В ответ на это, председатель Украинского общества друзей Лиги Наций проф. Александр Шульгин заявил следующее: „Весьма сожалею, что эти слова были здесь высказаны и, что особенно печально, первым делегатом Франции. Общество наше было основано в то время, когда правительство Украинской Народной Республики владело своей территорией. Насилием, вооруженной силой лишили нас нашей земли. Неужели вы хотите лишить нас даже права защиты нашего дела на мировой арене? Господин Борель, что вы защищаете здесь—право или силу! Вы удивляетесь, почему сейчас, при обсуждении вопроса меньшинств, мы говорим о Советской Украине? Вы только в одном правы: меньшинством там мы не являемся. Но и на Волыни и в Галиции украинское население можно назвать меньшинством только по отношению к государству, так как и там наше население представляет большинство. Советская Украина является, правда, de jure независимым государством, но что делать, если „независимые" советские республики, как Украина, Кавказ, Туркестан и др., находятся под таким режимом национального угнетения, который неизвестен никакому меньшинству в Европе, хотя и здесь ситуация, обыкновенно, не вполне удовлетворительна. Что делать, если положение таково, что покровительства Лиги Наций требуют не только европейские меньшинства, но и целые народы, стонущие под московским игом. Еще раз повторяю—весьма и весьма сожалею, что подобные слова вышли из уст первого делегата Франции."

К этому нам остается добавить, что весь этот инциндент является следствием новоявленной большевистско-французской „дружбы." Русский деспотический империализм пытается использовать по-старому для своих целей влияние республиканской Франции.

Под дымовой завесой демагогии

Только так можно охарактеризовать ту „работу", которую ведет на страницах журнала „Кавказ" г. Баммат—неисправимый и настойчивый претендент на амплуа северо-кавказского „вождя". Демагогическим душком, говоря деликатно, попахивает и то выступление, которое в № 14 бамматовского органа было направлено в лично мой адрес.

„Вождь" не признает во мне национальных квалификаций, не признает во мне даже горца, говоря, что я — „казак станицы Черноярской", изменивший свое имя „не без выгода для себя" и „проделавший свой национальный стаж под крылом армии Деникина".

Это—недостойное даже бамматовского „Кавказа" — выступление следовало бы, в сущности, оставить без ответа, если бы оно, повторяем, не пахло демагогией и если бы эта демагогия не являлась продолжением злостно-провокационных метод, которые применялись и применяются на Северном Кавказе русским режимом.

* * *

Родится в Гимрах, Ахульго, Дарго и т. п. бастионах горской независимости в прошлом — это, г. Баммат, при наличии тщеславия (кто из нас свободен от этого чувства?!), может служить причиной известного удовлетворения. Но, скажите мне на милость, какая разница между Кафир-Кумухом и „станицей Черноярской", которая—для Вашего сведения, г. Баммат,—по-осетински называется Дзараште или же Ерашти (последнее в иронском диалекте)?!...

* * *

Переселение осетин (дигорцев, а потом и иронцев) в Моздокский район началось в 1805 и продолжалось вплоть до последнего времени—даже при большевиках здесь образовалось несколько новых поселений (переселенцы из южной Осетии). О причинах переселения я не буду говорить — Вам, г. Баммат, с Вашими претензиями на знание истории Северного Кавказа, они должны быть известны.

Но некоторое об'яснение интересующиеся могут найти в следующем предложении, с которым выступило русское начальство в сороковых годах XIX столетия (см. Дебу—„О кавказской линии"):

„Не уклоняясь от справедливости, но поступив решительно с переселенными осетинами, составляющими два селения, под названием Старо- и Ново-Осетинское, ныне никакой пользы казне не приносящими, равно как и с нагайцами, живущими в пределах наших,—удобно сформировать из них вдобавок к горской команде, ныне малочисленной, полк под названием Горского, каковое предприятие при употреблении надлежащих мер не сопряжено с большими трудностями, ибо большая часть сих выходцев не имеет нигде выгоднее пристанища, как в местах, ими ныне здесь занимаемых".

(Как видите, г. Баммат, содержание этого документа не совсем совпадает с теми тенденциями, которые Вы пытаетесь приписать „станичникам" в прошлом).

И вот, когда „старо-осетинцы“ („черноярцы“) и „ново-осетинцы“ (Ново-Осетинское, г. Баммат, называется по-осетински Масукаў, в переводе на русский „Башенное селение“, — развалины одноименного аула видны еще и сейчас в Стур-Дигорском ущелье и на моей памяти туда еще совершались паломничества для поклонения праху предков), „не имея нигде выгоднее пристанища“ и под влиянием „решительных“ и „надлежащих“ мер, стали пополнять Горский полк (впоследствие ставший казачьим) — в это время (пожалуй, даже немного раньше) кафиркумухцы, под влиянием, наверное, тех же причин (Кафир-Кумук расположен в 3-х верстах от Т.-Х.-Шуры — в те времена штаб-квартиры русских войск в Дагестане), пополняли ряды т. н. Туземной милиции, состав которой — как Вам известно, г. Баммат, — нередко превышал в русских экспедиционных отрядах состав казачьих частей.

Известно Вам, наверное, и то, что Шамилевский, наиболее славный период борьбы за независимость Северного Кавказа — это, собственно, борьба Аварии, нагорной Чечни и западной Адыгеи вместе с центральной Абхазией. Деяния же остальных частей нашей общей Родины в этот период — с большим или меньшим успехом — можно подвести под рубрику деяний „черноярцев“ и кафир-кумухцев.

* * *

Теперь, г. Баммат, несколько слов о „черноярцах“ и кафир-кумухцах последующих времен.

Будучи зачислеными в казачье сословие, „черноярцы“ пользовались не большими привиллегиями, чем, например, т. н. привиллегированные сословия среди горцев, к которым принадлежали и Вы, г. Баммат. По крайней мере, среди них не было лиц, награждаемых придворными титулами, тогда как среди последних таковые имелись. (Вы догадываетесь, о ком я говорю? Не правда-ли, это редкая „честь“ для т. н. „инородца“?!).

„Черноярцы“ несли службу в русской армии в составе Горско-Моздокского казачьего полка, но такую же службу несли и некоторые кафир-кумухцы в составе Дагестанского конно-иррегулярного полка. Разница была та, что первых принуждали к этому нормы русского закона о всеобщей воинской повинности, вторые же несли службу добровольно, на началах вольного найма.

Не знаю, как чувствовали себя на русской службе кафир-кумухцы (думаю, что „казенный хлеб“ не был и для них сладок), но для „черноярцев“ эта служба была источником многих неприятностей. Для русской части полка они всегда оставались „ордой“ и на этой почве происходили неоднократные побоища. В 1905 г. сотня 2-го Горско-Моздокского полка в Терк-Кала, пополняемая „черноярцами“, возмутилась и отказалась усмирят, также „бунтовавший“, Осетинский кон. дивизион. В том же году „бунтовали“ и „станицы“. В наказание, „черноярцы“ не комплектовали уже „конвоя его величества“. (Когда-то, г. Баммат, этот конвой пополнялся представителями наиболее аристократических кавказских фамилий).

Перед войной, с окрытием в Моздоке реального училища, родители учащихся там осетин неоднократно требовали введения в курс наук изучения осетинского языка — это, г. Баммат, в большей своей части были „станичники“. „Станичником“ был и первый дигорский поэт Блашка Гурджибети (был офицером, убит в русско-японскую войну) — представьте себе, г. Баммат, я не знаю: назывался-ли он в русских документах „Иваном Ивановичем“ или же „Петром Павловичем“. Знаю только, что по-русски фамилия его писалась — Гуржибеков.

В 1917 г. началось массовое удаление офицеров-осетин (бамматовских „станичников“) из казачьих полков. Из 2-го Сунженско-Владикавкасского полка были удалены все офицеры-осетины (во главе с командиром полка) и приняты были (демонстративно) в 1-ый Осетинский полк, хотя количество офицеров в этом полку было более чем достаточно. У меня, к сожалению, нет текста соответствующего постановления (его можно достать), но из него видно, что удаленные из полка „станичники“ были не меньшими горцами, чем, например, кафир-кумухцы, „отбывающие национальный стаж“ в наместниковской приемной в Тифлисе.

В том же 1917 г. (и, отчасти, в 1918), когда на станциях Влад. жел. дороги происходило избиение горцей, избивали, г. Баммат, и „станичников“, не спрашивая — признаете-ли Вы их за горцев или нет. В этот же период, наконец, когда казачьи банды и возвращающаяся с фронта солдатня громили горские аулы, то, знаете-ли, что своей сохранностью притеречные аулы Малой Кабарды (Хапцево, Булатово и т.д.) обязаны „станичникам“?! Только заявление „станичников“, что они не пропустят

никого к этим аулам, подкрепленное наличием 4-х пушек (отобранных, между прочим, у проходящей с фронта русской части), задержало банды, недавно перед этим разгромившие Бекчи-Юрт.

После этого, соседние станицы опоясались окопами, направленными фронтом к „станичникам", а последним приходилось об'езжать эти станицы, т. к. в них там стреляли (и убивали, г. Баммат).

Что же происходило в это время с кафир-кумухцами? В Кафир-Кумух, г. Баммат, члены правительства Северного Кавказа опасались ездить без солидного конвоя, хотя он находился всего в нескольких километрах от тогдашней резиденции тогдашнего правительства. Кафир-Кумух был цитаделью большевизма в Дагестане. „Знаменитый" т. н. „астраханский отряд", действующий с 1918 г. в рядах красной армии, состоял в значительной части из кафир-кумухцев. Кафир-кумухцем был и начальник отряда Магомет Джабраилов (впоследствии убитый где-то под Астраханью).

* * *

Вся эта параллель является пробой практического применения бамматовского метода установления национальных квалификаций. Как видит читатель, применяя этот метод, можно лишить указанных квалификаций любого северо-кавказского патриота — в том числе и самого г. Баммата, ибо и он происходит из... Кафир-Кумуха.

* * *

В заключении несколько слов об „изменении" мною имени „не без выгода для себя" и о моем „национальном стаже под крылом армии Деникина".

Еще не так давно (уже в эмиграции) г. Баммат многие „официальные" документы подписывал, как „Бамматов". Один из его сотоварищей („ответственных" протестантов в Станбуле) руссифицированную фамилию употребляет до сих пор. Став Бамматом (официально, так сказать), г. Баммат произвел необходимый корректив, диктуемый ему, думается, национальным самосознанием. Но такой же корректив с моей стороны (помимо моей „вины", немного в большей степени) служит для г. Баммата источником демагогических нападок. Баммат не может не знать, что в коррективе имен и фамилий (исходя из русских документов) будут нуждаться $^3/_4$ (из 400 тыс.) осетин, а фамилий — почти все коренное население Северного Кавказа. И эта, так сказать, национализация имен и фамилий у осетин должна быть проводима с большой осторожностью, ибо с ней связан вопрос религиозной разобщенности осетин (разобщенности в сущности искусственной и наносной, появившейся вместе с русским влиянием). Для нас — и „станичников" и не-станичников — эта разобщенность является трагедией не только Осетии, но и всего Северного Кавказа. Для вас же и Ваших сторонников (к счастью, не многочисленных), г. Баммат, она лишь служит, как видно, поводом для демагогических рейдов.

Демагоги Вашего типа, г. Баммат, уже привели Северный Кавказ, в один из ответственейших моментов нашей истории, к братоубийственной бойне. Повторения этих событий мы — молодежь, возмужавшая в огне революции, — больше не допустим.

Остается еще „деникинский стаж"... Революция застала меня 17-летним юношей — т. е. в возрасте, который еще в сущности не ответственен за свои поступки (Вы — юрист, г. Баммат; Вам это лучше знать). Но и без этого, обстановка того времени для всех тех, кто оставался на Родине, представляла только два выхода: биться или в рядах белых или же в рядах красных. Вам, г. Баммат, должно быть лучше, чем многим из нас, известно, что не тифлисский Меджилис управлял борьбой против Деникина и что т. н. Совет обороны, Гикало в Чечне, керменисты и Назыр Катханов в Осетии и Кабарде — все это было, более или менее удачно замаскированной, экспозитурой большевизма. Ко всему тому, что тогда жило на Северном Кавказе и проявляло себя в жизни, можно применить, по методу Баммата, ярлык „деникинца" или „большевика". Но другого выхода у нас не было, ибо наши тогдашние „вожди" его нам не дали.

Барасби Байтуган.

Küçük haberler — Хроника

СРЕДИ ЭМИГРАЦИИ

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ В ВАРШАВЕ

В субботу 1 июня в помещении клуба „Прометей" в Варшаве состоялось торжественное собрание, посвященное 17-й годовщине об'явления Кавкасскими республиками своей Независимости. На собрании присутствовала местная кавкссская колония (азербайджанцы, грузины и северо-кавказцы) и много приглашенных гостей: представителей народов „Прометея" и местного польского общества.

Собрание было открыто г. К. Имнадзе, который призвал присутствующих почтить вставанием память Маршала Юзефа Пилсудского, в лице которого кавказцы потеряли искреннего друга и высокого покровителя.

Затем г. Мирза-Бала (азербайджанец) и инж. Б. Билатти (северо-кавказец) отметили значение вспоминаемой годовщины, подчеркнув при этом огромную роль достигнутого кавказскими народами единства.

Со стороны приглашенных гостей с приветствиями выступили: проф. д-р Ольгерд Гурка (генеральный секретарь Вост. Института в Варшаве), сенатор Станислав Седлецкий (председатель правления В. Инст.), д-р Абдулла-бей Зихни (крымец), д-р Скура (украинец).

После официальной части собрания, гостям бы предложен чай.

ПРАЗДНИК ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА

Под таким заглавием в № 177 ж. „Вольное Казачество — Вільне Козацтво" помещено описание торжественного банкета, который состоялся в Париже 9 июня по случаю круга (с'езда) организации, издающей журнал.

Для нас этот банкет интересен потому, что на нем присутствовали и выступали и представители Кавказа: г.г. М. Э. Расул-Заде и Мир-Якуб (Азербайджан), г. А. И. Чхенкели (Грузия) и г. А. К. Хатисян (Армения). Представители Северного Кавказа на банкете отсутствовали.

Присутствующие гости подчеркивали значение самостийного течения среди казачества в общей борьбе народов с русским империализмом. Отмечали это значение и присутствующие кавказцы. И вот, среди всех комплиментов, высказанных кавказскими представителями на банкете, для нас странны: заключительный возглас г. М. Э. Расул-Заде и попытка г. Хатисяна установить традиции армяно-казачьей дружбы.

— Да здравствует Вольное Казачество и независимая Казакия! — закончил свою речь г. М. Э. Расул-Заде.

— Какая „Казакия"? — вопрошаем мы — От Кавказского хребта и границ Грузии до Урала?!

Не думаем, чтобы в возгласе г. М. Э. Расул Заде заключался ответ на заключительное слово северо-кавказского представителя на недавней Кавказской Конференции и он разделял бы понятие, никак не согласующееся с национальными стремлениями союзного Северного Кавказа.

У представителя-же Армении мы встречаем следующую фразу: „В ваших краях, в Армавире, проживает много моих соплеменников, в традиционной дружбе с казаками..."

Не знаем, насколько „традиционна" дружба г. Хатисяна с группой ж. „Вольное Казачество". Но, зато, мы уверены, что армавирские армяне, веками живущие на Северном Кавказе и восприявшие не только горский дух, но и язык своих соседей черкесов, не нарушат священных и для них правил кавказского гостеприимства и не уполномочат говорить от их имени ни г. Хатисяна ни, тем более, „Вольное Казачество".

ВЕСТИ С КАВКАЗА

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ РАЗВИВАЕТ СРЕДИ ЛАЗОВ, ДРУЖЕСТВЕННОЙ „РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ", ТУРЦИИ „СЕПАРАТИЗМ"

„Заря Востока" от 12-VI—1935 пишет, что в Тифлисе при Институте кавказоведения имени академика Н. Я. Марра создана секция лазоведения. Там же мы находим сообщение о том, что в 1928 году (т. е. одновременно с началом перехода Турции на новый алфавит) советскими учеными был создан специальный лазский алфавит (отличный от ново-турецкого), а в 1933—34 упомянутая выше секция выпустила целый ряд учебников на лазском языке и собирается издать ряд произведений лазских писателей (Баниши Мустафы, Лазуриши Иса, Абдулиши Мамеда и др.)

Лазов в пределах Кавказа и СССР нет, если не считать одиночных переселенцев, попавших в порты Черного моря в поисках заработка еще перед мировой войной. В пределах Турции, где лазы живут компактной массой, дружественное Советам правительство рассматривает лазов, как интегральную часть турецкого народа.

Интересно знать в этих условиях — чем вызвана советская „лазомания"? Для кого предназначается агитационная макулатура, печатаемая на лазским языке и советско-лазским алфавитом?!

Может быть, на это ответит нам „товарищ" Карахан?!...

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— В конце августа в Терк-Кала открывается постоянный Осетинский нацтеатр. В репертуар театра на будущий сезон войдут (в переводе) следующие пьесы: „Лгун" — К. Гольдони, „Судьба" — Циновского, „Адвокат Патлэн" — французская нар. комедия, „Платон Кречет" — Корнейчука... и ни одной пьесы осетинских авторов.

— В Тифлисе работает особая комиссия под председательством проф. Корнелия Кекелидзе, целью которой является установление подлинного текста бессмертной поэмы Шота Руставели для предстоящего академического издания. Требуемый текст устанавливается путем коллективного изучения известных до сих пор 20 вариантов рукописей поэмы. К настоящему времени, после 54 заседаний, установлены в окончательном виде 193 строфы, т. е. две первые главы поэмы.

— В Ачикулакском районе, возле аула Бияш, обнаружена магнитная аномалия. Члены работающей здесь геодезической экспедиции сообщают, что при установке теодолитов магнитная стрелка отказывается работать, приставая с необыкновенной силой к лимбу. Такое явление наблюдалось в нескольких пунктах. Аномалия магнитной стрелки наблюдается обычно при наличии в данном пункте железо-магнитных руд.

Mecmuanın müdürü: CANBEK HAVJOKO — Редактор журнала: ЖАНБЕК ХАВЖОКО

Müdürün adresi — Cz. Krzyża 9 m. 5, Warszawa, Pologne — Адрес редактора

Mecmua idareh. adresi -- 110, rue Thiers, Boulogne s./Seine, France — Адрес адм. журнала

Zakł. Gr. P. Szwedle Warecka 8